

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Выпуск 3, 2021

EASTERN ANALYTICS
Issue 3, 2021

Russian Academy of Sciences
Institute of Oriental Studies

EASTERN ANALYTICS

Issue 3, 2021

Moscow
2021

Российская Академия наук
Институт востоковедения

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Выпуск 3, 2021

Москва
2021

Редакция:

*академик РАН, доктор исторических наук, профессор
В. В. Наумкин (главный редактор)*

*В. Я. Белокреницкий (зам. главного редактора), А. В. Акимов (ответственный редактор выпусков), Н. Ю. Ульченко (член редакции), И. В. Федулов (макет),
В. М. Немчинов (редактор), Е. Ф. Щепилова (редактор).*

Редакционная коллегия:

*А. К. Аликберов, А. Д. Васильев, А. В. Воронцов, А. Д. Воскресенский,
А. С. Железняков, И. Д. Звягельская, В. А. Исаев, В. А. Кузнецов, С. Г. Лузянин,
Н. М. Мамедова, Д. В. Мосяков, С. А. Панарин, Д. В. Стрельцов, Т. Л. Шаумян*

DOI: 10.31696/2227-5568-2021-03

<https://analitika.ivran.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА

М. Г. Борисов

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ..... 7

М. С. Озманиян

РОССИЙСКО-ИРАКСКОЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В ПЕРИОД COVID-19 19

А. В. Воробьев

РОССИЯ, ПАКИСТАН И УЗБЕКИСТАН: НОВЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОЕКТЫ
В ЕВРАЗИИ И РАЗВИТИЕ МНОГОСТОРОННЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА (*на англ. яз.*) 29

ПОЛИТИКА

У. В. Окимбеков

РЕВАНШ ТАЛИБОВ И АФГАНСКАЯ ЭКОНОМИКА 37

В. И. Сотников

РОССИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЗЪЯДЕРНОЙ ЗОНЫ
В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ:
СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ ВЫЗОВ (*на англ. яз.*)..... 46

CONTENS

ECONOMICS

Mikhail Borisov

ENERGY TRANSITION AND GLOBAL WARMING 7

Midiya Ozmanyanyan

ENERGY TRANSITION AND GLOBAL WARMING RUSSIAN-IRAQI TRADE
AND ECONOMIC COOPERATION DURING THE COVID-19 PERIOD 19

Alexander Vorobyev

RUSSIA, PAKISTAN AND UZBEKISTAN: NEW TRANSPORT PROJECTS
IN EURASIA AND THE DEVELOPMENT
OF MULTILATERAL ECONOMIC COOPERATION 29

POLITICS

Ubaid Okimbekov

REVANCHE OF THE TALIBAN AND THE AFGHAN ECONOMY 37

Vladimir Sotnikov

RUSSIA AND THE NORTHEAST ASIA NUCLEAR WEAPON FREE ZONE
PROSPECTS: THE NORTH KOREA CHALLENGE 46

ЭКОНОМИКА

Научная статья

DOI: 10.31696/2227-5568-2021-03-007-018

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ

Борисов Михаил Глебович^a^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^a – mg.borisov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7660-7410

Аннотация. С момента заключения Парижских соглашений по климату перспектива их реализации представлялась сомнительной. Однако бурно начавшаяся трансформация мировой энергетики, именуемая «энергетическим переходом» кардинально изменила представления о будущем глобальной энергетики как главного эмитента парниковых газов в атмосферу. Революционные изменения в технологиях генерации электрической энергии, её транспортировки, хранения и дистрибуции, электрификация автомобильного транспорта, изменения в бытовом и коммерческом энергопотреблении, четвёртая технологическая революция в промышленности приведут, в конечном счёте, к быстрорастущему сокращению эмиссии диоксида углерода в атмосферу. Отчётливо обозначилась перспектива безуглеродной энергетики, способной инициировать процесс замедления и остановки глобального потепления.

Ключевые слова: глобальное потепление, Парижские соглашения, энергетический переход, электрификация транспорта, эмиссия диоксида углерода, распределенная генерация, умные сети, энергетическая эффективность, дефорестация, энергопотребление, возобновляемые источники энергии

ECONOMY

Original article

ENERGY TRANSITION AND GLOBAL WARMING

Mikhail Borisov^a^a – IOS RAS, Moscow, Russia^a – mg.borisov@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7660-7410

Abstract. Since the Paris climate agreement was concluded, prospects of its implementation have seemed doubtful. However the fast transformation of global energy – known as «energy transition» – has radically changed the notion of world energy as the main emitter of greenhouse gases into the atmosphere. The revolutionary change in technologies of electric energy generation, its transportation, storage and distribution, electrification of automobile transport, progress in energy consumption in the building and commercial sector and the fourth industrial revolution will ultimately lead to the rapid reduction of the emission of carbon dioxide into the air. A possibility has appeared of non-carbon energy capable to initiate the halting of global warming.

Keywords: global warming, Paris agreement, energy transition, electrification of transport, emission of carbon dioxide, distributed generation, smart grids, energy efficiency, deforestation, energy consumption, renewable energy sources

В декабре 2015 г. в Париже 195 стран мира заключили соглашение об удержании роста глобальной температуры воздуха в пределах 2 град. С по отношению к показателям доиндустриальной эпохи через максимально возможное ограничение выбросов в атмосферу парниковых газов (главным образом, диоксида углерода) во избежание катастрофических экологических, экономических и гуманитарных последствий наступающего глобального потепления. Однако уже в следующем 2016 г. средняя глобальная температура выросла сразу почти на 1 град., что поставило под сомнение реализуемость Парижского соглашения. Чтобы удержаться в рамках Соглашения резерв роста оставался на уровне 0,6–1,1 град.

Ситуация была скорректирована стремительно начавшимся в мировой энергетике энергетическим переходом (energy transition) или революцией 3D (декарбонизация, децентрализация, диджитализация). Обозначившиеся в 2017–2020 гг. тренды сулят кардинальное снижение выбросов диоксида углерода и делают перспективы выполнения Парижских соглашений не столь мрачными.

Энергетический переход перестраивает на новой технологической основе функционирование основного эмитента углерода – энергетику (в широком смысле). На неё приходится 65% выбросов (14% – на сельское хозяйство, 18% – на лесное хозяйство, 3% – на мусорный свалки)¹. В рамках энергетики 22% выбросов приходится на генерацию электрической энергии, 21% – на технологические процессы в промышленности, 12% – на транспорт, 7% – на технологические процессы в добыче ископаемого топлива, 38% – на прочие сферы сжигания топлива².

Основным направлением энергетического перехода является отказ от сжигания ископаемого топлива в пользу возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Он также включает в себя электрификацию транспорта, жилищно-коммунального хозяйства и многих технологических процессов в промышленности. Технологические прорывы последних лет сделали это не только возможным, но и экономически выгодным.

Начиная с 2014 г., ежегодно вводимые мощности электрической генерации на основе ВИЭ превышают вводимые мощности традиционной тепловой электроэнергетики. В 2017 г. на долю только солнечной генерации пришлось больше вводимых в эксплуатацию мощностей, чем на долю угольной, газовой и атомной генерации вместе взятых³.

Причина вытеснения ископаемого топлива возобновляемыми источниками энергии состоит в достижении последними ценовой конкурентоспособности вследствие серии технологических прорывов последнего

¹ World Resources Institute. Climate Analysis Indicators Tool. URL: https://www.ccap.org/docs/resources/234/Baumert_CAII-Nov04.pdf (дата обращения 27.12.2020).

² Ibid.

³ IRENA. REN 21- Renewables 2018. Global Status Report, Renewable Energy Policy Network for the 21 Century. URL: https://www.ctc-org/files/resorces/global_status_report_2018.pdf (дата обращения 30.12.2020).

десятилетия. В течение 2010–2018 гг. цена электроэнергии, вырабатываемой на гелиостанциях упала на 73%, а на ветряных – на 22%⁴. К 2022 г. электроэнергия, вырабатываемая на солнечных и ветряных электростанциях, станет дешевле электроэнергии, производимой на любой ТЭС. За этот же период (2010–2018 гг.) цена литий-ионных батарей для электромобилей упала на 80%⁵. Как результат, в этот перспективный бизнес хлынул поток инвестиций. Более того, Международное агентство по возобновляемой энергии (IRENA) полагает эти впечатляющие изменения лишь началом: к 2025 г. прогнозируется дальнейшее снижение стоимости генерации – на 26% на береговых ветряных станциях, на 35% – на оффшорных, на 37% – на концентрирующих солнечных станциях, на 59% – на фотовольтаических; стоимость автомобильной электрической батареи снизится ещё на 60% и цены электромобиля и автомобиля с двигателем внутреннего сгорания сравняются⁶. Чрезвычайно высок мультипликативный эффект возобновляемой энергетики. По оценке IRENA, удвоение к 2030 г. доли ВИЭ в мировом топливно-энергетическом балансе приведет к дополнительному ежегодному приросту глобального ВВП на 0,6–1,1% (1,3 трлн долл.) и повышению уровня благосостояния населения мира на 3,7%⁷.

Растущая конкурентоспособность ВИЭ выгодно сочетается с общественным мнением в пользу новой энергетики. В 179 странах мира существуют государственные программы развития «зеленой» энергетики, а в 57 государствах разрабатываются планы полного отказа от ископаемого топлива⁸.

Ясно обозначилось осознание того, что трансформация мирового энергетического хозяйства обойдётся дешевле, чем дальнейшее функционирование существующего ТЭКа. Эксперты IRENA полагают, что каждый вложенный в энергетическую трансформацию доллар экономят 3–7 долл. за счет снижения затрат на ископаемое топливо, ликвидации энергетических субсидий (по оценкам МВФ, глобальные субсидии достигают 5,3 трлн долл. в год – 6,5% мирового ВВП⁹), отказа от инвестиций в мощности традиционной энергетики, уменьшения масштабов капитального строительства (ТЭС, трубопроводы, нефте- и газопромыслы, угольные шахты и карьеры, специализированные порты), резкого сокращения затрат на транспортировку энергоносителей¹⁰. Энергетический переход может обеспечить глобальную

⁴ A New World. Geopolitics of the energy transformation. P. 18. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2019/Jan/Global_comission_geopolitics_new_world_2019.pdf (дата обращения 14.12.2020).

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 19.

⁷ IRENA. REN 21- Renewables 2018. Global Status Report, Renewable Energy Policy Network for the 21 Century. URL: https://www.ctc-org/files/resorces/global_status_report_2018.pdf (дата обращения 30.12.2020).

⁸ Ibid.

⁹ IMF Survey: Counting the Cost of Energy Subsidies. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sonew070215a> (дата обращения 11.01.2021).

¹⁰ IRENA. Transforming the Energy System. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2019/Sep/IRENA_Transforming_2019_Summary.pdf?la=en&hash=DEBS162D7863B214F70ABB9B250CF258 (дата обращения 12.01.2021).

экономии средств за период 2019–2050 гг. в 45–140 трлн долл. – двухлетний текущий глобальный ВВП¹¹. За указанный период разница в глобальных ВВП между двумя сценариями развития мировой энергетики (традиционный сценарий vs энергетический переход) может достичь 97,7 трлн долл., а разница в количестве рабочих мест 7 млн (разница между вновь создаваемыми рабочими местами в новой энергетике и теряемыми рабочими местами в отживающих энергетических отраслях)¹².

Наметившиеся тренды декарбонизации энергетики, очевидно, обеспечат сокращение эмиссии диоксида углерода, необходимое для того, чтобы «вписаться» в условия Парижских соглашений. Математическое моделирование демонстрирует динамику декарбонизации энергетики различных регионов мира, которая, в общем, не противоречит перспективному прогнозированию в большинстве национальных энергетик (Табл. 1).

Таблица 1

Снижение выбросов диоксида углерода на выработку 1 квт.час. электрической энергии в регионах мира, необходимое для реализации «заложенного» в Парижские соглашения «Сценария 2 град. С» (г. CO₂/квт.час.)

Регион	2015 г.	2030 г.	2050 г.
Индия	780	600	20
КНР	630	540	25
Ближний Восток	620	420	50
Остальная Азия	570	450	30
Африка	610	460	60
Тихоокеанский регион	510	370	30
Северная Америка	410	330	40
Европа	300	130	20
Латинская Америка	240	170	10
СНГ	580	440	10
В среднем по миру	500	320	30

Источник: European Commission. JRC Science for Policy Report. Global Energy and Climate Outlook: Electrification for the low-carbon transition. URL: https://www.publications.jrc.europa.eu/repository/bitstream/JRC119619/kjna30053enn_geco2019.pdf (дата обращения 24.12.2020)

Прогнозируемые параметры развития мировой энергетики способны обеспечить достижение необходимых размеров эмиссии углерода. Они также не противоречат заявленным целям большинства стран мира (Табл. 2).

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

Таблица 2

Основные перспективные параметры мировой энергетики, обеспечивающие реализацию «Сценария 2 град. С»

Параметры	2018 г.	2030 г.	2040 г.	2050 г.
Доля электроэнергии в конечном энергопотреблении (%)	20	29	38	49
Доля электрического транспорта в автопарке (%)	1	19	36	58
Конечное потребление энергии на душу населения (Гдж.)	55	43	40	38
Выбросы диоксида углерода на душу населения (Т.СО ₂)	4,5	2,9	2	1,1
Доля возобновляемых источников энергии в электрогенерации (%)	25	57	75	86
Снижение спроса на ископаемое топливо относительно 2018 г. (%).	–	20	41	64

Источник: European Commission. JRC Science for Policy Report. Global Energy and Climate Outlook: Electrification for the low-carbon transition. URL: https://www.publications.jrc.europa.eu/repository/bitstream/JRC119619/kjna30053enn_geco2019.pdf (дата обращения 24.12.2020)

Успех энергетического перехода зависит, прежде всего, от декарбонизации сектора электрогенерации. Для реализации «Сценария 2 град. С.» необходимо, чтобы прирост глобальной генерации (она возрастет, согласно прогнозам, на 130 % за период 2018–20250 гг.) на 86 % обеспечивался за счет ВИЭ¹³. Текущие показатели последних лет опережают эти прогнозы¹⁴.

Экспансия возобновляемой энергетики повлечет за собой обострение конкуренции с традиционной генерацией, что неизбежно скажется на повышении эффективности выработки тепловой и электрической энергии на основе ископаемого топлива. Речь идет, прежде всего, о повышении экономических и экологических характеристик тепловых электростанций, сопровождаемом снижением объемов эмиссии углерода и внедрением технологий его улавливания и захоронения (CCS, Carbon Capture and Storage), применением технологий, сокращающих удельный расход топлива (паротурбинные установки со сверхкритическими параметрами пара, паровые угольные турбины с внутрицикловой газификацией угля). Новые технологии сократили выбросы CO₂ в среднем в 2 раза, а внедрение CCS сведет их к нулю.

Колоссальный резерв снижения углеродоёмкости экономики таит в себе начавшаяся цифровизация электрических сетей. Она призвана, прежде всего, снизить потери электроэнергии при её передаче и дистрибуции. В настоящее время в масштабах всего мира они составляют 8 % (достигая в некоторых странах, например, в Индии, 15 %). Это соответствует объёму

¹³ European Commission. JRC Science for Policy Report. Global Energy and Climate Outlook: Electrification for the low-carbon transition. URL: https://www.publications.jrc.europa.eu/repository/bitstream/JRC119619/kjna30053enn_geco2019.pdf (дата обращения 24.12.2020).

¹⁴ Ibid.

электроэнергии, потребляемой всей мировой металлургией а также затрачиваемой на освещение и приготовление пищи населением всего мира. Набор цифровых технологий здесь обширен – удаленный контроль всех параметров сети, «умные» электросчетчики, препятствующие воровству электроэнергии. Уменьшение потерь в электросетях эквивалентно соответствующему снижению электрогенерации и выбросов диоксида углерода. Средний ежегодный эффект от снижения потерь в электрических сетях эксперты МЭА оценивают в 6 млрд долл. и 35 млн т. углерода в течение всего периода 2016–2040 гг.¹⁵

Цифровизация открывает широкие перспективы для оптимизации связей между потребителями и производителями различных видов энергии, ликвидации барьеров между секторами энергетики и их интеграции, становления гибких энергосистем, взаимодействующих в реальном времени. Развитие распределенной генерации на основе широкого распространения индивидуальных источников выработки из ВИЭ послужило основой начавшегося формирования умных сетей (Smart Grid). Многие домохозяйства и коммерческие структуры становятся одновременно потребителями и производителями (просьюмерами) электроэнергии. Блокчейн позволяет превратить в просьюмеров даже электромобили (аккумулирующие огромное количество электроэнергии). По прогнозам МЭА, к 2040 г. более 1 млрд домохозяйств в мире будут иметь возможность взаимодействовать через Интернет с той или иной энергосистемой¹⁶. «Умный спрос» и «системная гибкость» позволят экономить на объёмах мощностей (с соответствующими объёмами эмиссии), сопоставимых с нынешней энергетикой Австралии и Италии¹⁷.

Создание умных сетей (в том числе международных) снизит время простоя солнечных и ветровых станций с 17 % в 2016 г. до 1,6 % к 2040 г., косвенно сократив эмиссию диоксида углерода на 30 млн т¹⁸. Сеть умных зарядных станций для электромобилей, предлагающих оптимальные тарифы в зависимости от нагрузок в сетях, способна к 2040 г. сэкономить более 100 млрд долл. и «избавиться» от «лишних» 23 млн т. диоксида углерода в атмосфере через снижение потребности в новых инвестициях в расширение электроэнергетической инфраструктуры¹⁹.

Начавшиеся революционные технологические изменения в генерации, транспортировке, дистрибуции, потреблении электроэнергии, в новых и традиционных секторах мировой электроэнергетики могут обеспечить

¹⁵ Digitalization & Energy. P. 78 URL: <https://www.euagenda.eu/upload/publications/untitled-110950-ea.pdf> (дата обращения 27.12.2020).

¹⁶ Ibid. P. 82.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

параметры её функционирования, необходимые для реализации «Сценария 2 град. С.» (Табл. 3)

Таблица 3

Основные показатели функционирования мировой электроэнергетики, необходимые для выполнения «Сценария 2 град. С»

Показатели	2015 г.	2050 г.
Доля ВИЭ в электрической генерации	23	70
Генерация с CCS (%)	0	4
Эмиссия CO ₂ (% от общей эмиссии)	37	18
Эмиссия CO ₂ (Гг. CO ₂)	12	1
Мощность хранилищ электроэнергии (% от генерации)	0	5
Доля электромобилей в электроснабжении	0	11
Доля низкоуглеродных технологий в инвестициях	47	87

Источник: European Commission. JRC Science for Policy Report. Global Energy and Climate Outlook: Electrification for the low-carbon transition. URL: https://www.publications.jrc.europa.eu/repository/bitstream/JRC119619/kjna30053enn_geco2019.pdf (дата обращения 24.12.2020)

Электрификация автомобильного транспорта резко ограничит самый быстрорастущий источник выбросов диоксида углерода. Одновременно она станет драйвером роста ВИЭ поскольку прирост выработки электроэнергии (она будет требоваться для функционирования транспорта в возрастающих объемах) будет происходить за их счет. К 2040 г. на электромобили будет приходится 57% мировых продаж пассажирских транспортных средств и 36% мирового автопарка²⁰. Количество традиционных автомобилей будет также расти (но темпами в 12 раз меньшими, чем число электромобилей) до начала 30-х годов, а затем – снижаться²¹. С заменой двигателя внутреннего сгорания на электромотор исчезнет главный антропогенный «поставщик» диоксида углерода и угарного газа в атмосферу. В настоящее время автотранспорт «выбрасывает» углерода больше, чем все тепловые электростанции мира, при этом газы выбрасываются не на высоте трубы электростанции (100–150 м.), а примерно на высоте органов дыхания человека, животных и растений и с чрезвычайно большой плотностью источников эмиссии, особенно в городах, усиливая парниковый эффект. Использование электрических транспортных средств сократит к 2040 г. потребность в автомобильном топливе на 8 млн баррелей в сутки (в настоящее время мировая экономика потребляет 100 млн баррелей в сутки), добавив лишь 5% к мировому потреблению электроэнергии, что свидетельствует о гораздо более высокой энергетической эффективности электрического транспорта по сравнению с традиционным²².

²⁰ BloombergNEF. Electric Transport Revolution Set to Spread Rapidly Into Light and Medium Commercial Vehicle Market. URL: <https://www.about.bnef.com/blog/electric-transport-revolution-set-to-spread-rapidly-into-light-and-medium-commercial-vehicle-market/>. (дата обращения 27.12.2020).

²¹ Ibid.

²² Electric Vehicle Outlook 2017. URL: https://data.bloomberglp.com/bnef/sites/14/2017/BNEF_EVO_2017_ExecutiveSummary.pdf (дата обращения 28.12.2020).

Однако для питания электромобилей необходимо увеличивать мощности электрической генерации в том числе на ТЭС. Если не переходить на ВИЭ, возрастёт сжигание ископаемого топлива, правда в количествах, гораздо меньших, чем в случае простой линейной зависимости. Причина этого кроется, в первую очередь, в разнице КПД современной ТЭС (60%) и двигателя внутреннего сгорания (25%), при том, что КПД электродвигателя близок к 100%. Большую роль при этом играет экономия на объёмах: гораздо экономичнее преобразовывать тепловую энергию в механическую на одном устройстве с КПД 60%, чем на множестве устройств с КПД 25%. Следует учитывать также огромные затраты энергии на получение бензина и дизельного топлива из нефти (путём её нагревания) на нефтеперегонных заводах, где до 10% первичной энергии идёт на производственные нужды. Наконец, немалых энергетических затрат (и выбросов CO₂) требует транспортировка моторного топлива от НПЗ и хранилищ до АЗС. В силу этого к 2030 г. ежегодная экономия моторного топлива электрическим автотранспортом достигнет 127 млн т. в нефтяном эквиваленте («избавив» атмосферу от 45 млн т. СО и CO₂) ценой порядка 60 млрд долл. при ежегодном потреблении 640 ТВт.час. электроэнергии среднемировой ценой порядка 12 млрд долл.²³

Таблица 4

Основные параметры функционирования транспорта, необходимые для реализации «Сценария 2 град. С»

Параметры	2015 г.	2050 г.
Доля транспорта в глобальном потреблении энергии (%)	28	26
Электрификация транспорта (%)	1	16
Потребление электроэнергии транспортом (твт.час.)	300	4800
Доля ВИЭ в потребляемой транспортом электроэнергии (%)	3	17
Доля сжиженного газа в потребляемой транспортом энергии (%)	0	27
Доля транспорта в глобальной эмиссии диоксида углерода (%)	26	28
Углеродоёмкость пассажирского транспорта (т.CO ₂ / т.н.э.)	3	1,7
Углеродоёмкость грузового транспорта (т.CO ₂ / т.н.э.)	3,1	2,3
Доля электромобилей в общественном транспорте (%)	0	50
Доля электромобилей в грузовом транспорте (%)	0	10
Цена электромобиля по отношению к цене аналога с ДВС	200	93

Источник: European Commission. JRC Science for Policy Report. Global Energy and Climate Outlook: Electrification for the low-carbon transition. URL: https://www.publications.jrc.europa.eu/repository/bitstream/JRC119619/kjna30053enn_geco2019.pdf (дата обращения 24.12.2020)

Огромный резерв сокращения выбросов диоксида углерода таят в себе жилищно-бытовой и коммерческий сектора. Распределенная генерация на основе возобновляемых источников энергии инициировала революцию

²³ IEA. Global EV Outlook 2019. P. 18. URL: https://www.indiaenvironmentportal.org.in/files/file/Global_EV_Outlook_2019.pdf (дата обращения 12.01.2021).

в энергопотреблении огромных масс населения отсталых стран развивающегося мира. «Бесплатная» электроэнергия от ВИЭ сняла ограничения на использование некогда недоступных энергоёмких устройств, в первую очередь электрической кухонной плиты. Исключение традиционной биомассы из домашнего энергоснабжения уменьшает масштабы дефорестации и выбросов диоксида углерода.

Начало широкого внедрения распределенной генерации инициировало стремительные изменения в бытовом энергопотреблении в пользу электрической энергии. Электроэнергия, за которую не надо платить, генерируемая личным или коллективным солнечным, ветряным или гидравлическим модулем, избавляет от необходимости покупать керосин или заготавливать (часто незаконно) дрова. Актуальная еще 30 лет тому назад необходимость «срубить последний куст чтобы вскипятить воду» постепенно уходит в прошлое, а сокращение масштабов дефорестации, во-первых, сокращает выбросы CO₂ от сжигаемой древесины, во-вторых, увеличивает поглощение CO₂ из атмосферы лесными массивами, избежавшими вырубки.

Революционные изменения в бытовом энергопотреблении, несмотря на взрывной рост использования электрических приборов отопления, охлаждения воздуха, подогрева воды, приготовления пищи, вызывающих рост потребления электрической энергии, в состоянии обеспечить за счет своей энергоэффективности и экологичности (вкуче с возможностями новых конструкционных материалов, технологий строительства и цифровизации энергопотребления), почти трехкратное снижение выбросов CO₂ в этом секторе за период 2015–2050 гг. (Табл. 5).

Таблица 5

Основные параметры функционирования коммунально-бытового сектора, необходимые для реализации «Сценария 2 град. С»

Параметры	2015 г.	2050 г.
Глобальная жилая площадь (Гм ²)	152	251
Доля ЖКХ в глобальном потреблении энергии (%)	32	38
Доля распределенной генерации в ЖКХ (%)	2	22
Электрификация ЖКХ (% энергопотребления)	31	64
Доля ВИЭ в электропотреблении ЖКХ (%)	26	33
Доля традиционной биомассы в энергопотреблении (%)	22	2
Доля ЖКХ в глобальной эмиссии CO ₂	10	13
Эмиссия CO ₂ (Гт.)	3,4	1,2

Источник: European Commission. JRC Science for Policy Report. Global Energy and Climate Outlook: Electrification for the low-carbon transition. URL: https://www.publications.jrc.europa.eu/repository/bitstream/JRC119619/kjna30053enn_geco2019.pdf (дата обращения 24.12.2020), IRENA. Transforming the Energy System. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2019/Sep/IRENA_Transforming_2019_Summary.pdf?la=en&hash=DEBS162D7863B214F70ABB9B250CF258... (дата обращения 12.01.2021)

Быстро меняющаяся в ходе Четвертой промышленной революции свою структуру мировая индустрия снижает свою долю в глобальном

энергопотреблении и в эмиссии углерода в атмосферу. Уменьшается и абсолютное энергопотребление мировой промышленности: объёмы энергопотребления к 2050 г. составят 83% уровня 2020 г., а доля промышленности в глобальном потреблении энергии за то же период сократится в 1,4 раза²⁴. Это приведет к сокращению доли промышленности в глобальных выбросах диоксида углерода с 18% в 2017 г. до 11% к 2050 г.²⁵ Причиной этого станет не только абсолютное сокращение потребления энергии, но и замена электроэнергией ископаемого топлива во многих технологических процессах. Доля электроэнергии в конечном потреблении в мировой промышленности должна вырасти с 25% в 2017 г. до 48% к 2050 г.²⁶ Это создаёт предпосылки для выполнения основных требований к мировой промышленности, необходимых для реализации «Сценария 2 град.С» (Табл. 6).

Таблица 6

Основные параметры функционирования промышленности, необходимые для реализации «Сценария 2 град. С»

Параметры	2015 г.	2050 г.
Доля промышленности в глобальном потреблении энергии (%)	34	23
Электрификация промышленности (% потребляемой энергии)	24	48
Доля ВИЭ (% потребляемой электроэнергии)	5	14
Доля промышленности в общей эмиссии CO ₂ (%)	18	11
Эмиссия CO ₂ (Гг. CO ₂)	6,2	2,1
Энергоёмкость добавленной стоимости (т.н.э./ млн \$ 2015 г.)	119,5	42,3
Электроёмкость добавленной стоимости (т.н.э./ млн \$2015 г.)	23,1	16,1

Источник: European Commission. JRC Science for Policy Report. Global Energy and Climate Outlook: Electrification for the low-carbon transition. URL: https://www.publications.jrc.europa.eu/repository/bitstream/JRC119619/kjna30053enn_geco2019.pdf (дата обращения 24.12.2020), IRENA. Transforming the Energy System. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2019/Sep/IRENA_Transforming_2019_Summary.pdf?la=en&hash=DEBS162D7863B214F70ABB9B250CF258... (дата обращения 12.01.2021)

Начавшееся ускоренное развитие энергетики на основе ВИЭ предполагает замену углеродсодержащего топлива чистой электрической энергией. Она, безусловно, – самый удобный и чистый энергоноситель, однако у её применения есть пределы. Речь идет об авиации, морском транспорте, электрификация которых пока невозможна технически, о многих отраслях промышленности (металлургия, цементная, химическая), в которых необходимо использовать топливо. В последние годы обозначилась альтернатива органическому топливу в виде «зеленого» водорода, производимого из воды электролизом при использовании чистой электроэнергии

²⁴ European Commission. JRC Science for Policy Report. Global Energy and Climate Outlook: Electrification for the low-carbon transition. URL: https://www.publications.jrc.europa.eu/repository/bitstream/JRC119619/kjna30053enn_geco2019.pdf (дата обращения 24.12.2020).

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

от ВИЭ. По оценкам Bloomberg, к 2050 г. на водород будет приходиться 24% конечного потребления энергии и он сможет «забрать» у нефти, угля и газа около половины их рынков²⁷. Министерство энергетики США полагает, что к 2050 г. водород превратится во второго после электроэнергии энергоносителя, при этом около 90% его выработки обеспечит электрическая генерация от ВИЭ, а потребность в угле, газе и нефти сократится соответственно на 73%, 34% и 18%²⁸. «Не дожидаясь» прихода ценовой конкурентоспособности, водород при массовой субсидиальной поддержке многих государств начал наступление на пока что остающиеся у традиционного топлива рынки, ускоряя декарбонизацию мировой экономики.

Новые производительные силы в энергетике способны привести к беспрецедентному повышению энергетической эффективности мировой экономики, причем вклад цифровизации и технологического перевооружения уже существующей энергетики может даже превысить эффект от внедрения ВИЭ. В период 2016–2050 гг. при прогнозируемом росте мирового ВВП на 130% увеличение потребления первичной энергии может составить лишь 1% (более чем двукратный рост ВВП может произойти практически без увеличения потребления первичных энергоресурсов) за счет лишь прогнозируемого трехкратного падения энергоёмкости глобального ВВП²⁹.

Это означает, что выбросы углерода в атмосферу, начиная с середины 20-х годов, как минимум, перестанут расти, что может инициировать процесс остановки глобального потепления.

Литература/References

Электронные ресурсы / Electronic Sources

1. A New World. Geopolitics of the energy transformation. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2019/Jan/Global_comission_geopolitics_new_world_2019.pdf (дата обращения 14.12.2020).
2. BloombergNEF. Electric Transport Revolution Set to Spread Rapidly into Light and Medium Commercial Vehicle Market. URL: <https://www.about.bnef.com/blog/electric-transport-revolution-set-to-spread-rapidly-into-light-and-medium-commercial-vehicle-market/>. (дата обращения 27.12.2020).

²⁷ BloombergNEF. Hydrogen Economy Outlook. URL: <https://www.data.bloomberglp.com/professional/sites/24/BNEF-Hydrogen-Economy-Outlook-Key-Messages-30-Mar-2020.pdf> (дата обращения: 19.02.2021).

²⁸ US Department of Energy. Hydrogen Strategy Enabling a Low-Carbon Economy. URL: https://www.energy.gov/sites/prod/files/2020/07/f76/USDOE_FE_Hydrogen_Strategy_July2020 (дата обращения: 20.02.2021).

²⁹ Рассчитано по: DNV-GL. Energy Transition Outlook. URL: https://www.euractiv.com/wp-content/uploads/sites/2/2019/09/DNV-GL-ETO-2019---Power-Supply-and-Use_single_LR_under-enbargo.pdf (дата обращения 13.01.2021).

3. BloombergNEF. Hydrogen Economy Outlook. <https://www.bnef.com/blog/electric-transport-revolution-set-to-spread-rapidly-into-light-and-medium-commercial-vehicle-market/>. (дата обращения 27.12.2020).
4. Digitalization & Energy. URL: <https://www.euagenda.eu/upload/publications/untitled-110950-ea.pdf> (дата обращения 27.12.2020).
5. DNV-GL. Energy Transition Outlook. URL: https://www.euractiv.com/wp-content/uploads/sites/2/2019/09/DNV-GL-ETO-2019—Power-Supply-and-Use_single_LR_under-enbargo.pdf (дата обращения 13.01.2021).
6. Electric Vehicle Outlook 2017. URL: https://data.bloomberglp.com/bnef/sites/14/2017/BNEF_EVO_2017_ExecutiveSummary.pdf (дата обращения 28.12.2020).
7. European Commission. JRC Science for Policy Report. Global Energy and Climate Outlook: Electrification for the low-carbon transition. URL: https://www.publications.jrc.europa.eu/repository/bitstream/JRC119619/kjna30053enn_geco2019.pdf (дата обращения 24.12.2020).
8. IEA. Global EV Outlook 2019. URL: https://www.indiaenvironmentportal.org.in/files/file/Global_EV_Outlook_2019.pdf (дата обращения 12.01.2021).
9. IMF Survey: Counting the Cost of Energy Subsidies. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2015/09/28/04/53/sonew070215a> (дата обращения 11.01.2021).
10. IRENA. REN 21- Renewables 2018. Global Status Report, Renewable Energy Policy Network for the 21 Century. URL: https://www.ctc-org/files/resorces/global_status_report_2018.pdf (дата обращения 30.12.2020).
11. IRENA. Transforming the Energy System. URL: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2019/Sep/IRENA_Transforming_2019_Summary.pdf?Ia=en&hash=DEBS162D7863B214F70ABB9B250CF258... (дата обращения 12.01.2021).
12. US Department of Energy. Hydrogen Strategy Enabling a Low-Carbon Economy. URL: https://www.energy.gov/sites/prod/files/2020/07/f76/USDOE_FE_Hydrogen_Strategy_July2020 (дата обращения: 20.02.2021).
13. World Resources Institute. Climate Analysis Indicators Tool. URL: https://www.ccap.org/docs/resources/234/Baumert_CAIT-Nov04.pdf (дата обращения 27.12.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Борисов Михаил Глебович – к. э. н., стар- Borisov Mikhail – PhD (Economic), Senior
 ший научный сотрудник ИВ РАН, Москва, Research Fellow, IOS RAS, Moscow, Russia.
 Россия.

ЭКОНОМИКА

Научная статья

DOI: 10.31696/2227-5568-2021-03-019-028

**РОССИЙСКО-ИРАКСКОЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
В ПЕРИОД COVID-19****Озманиян Мидия Саидовна^a**

a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

a – mid67674@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9761-4663

Аннотация. Несмотря на стремительное распространение COVID-19, отсутствие надлежащих мер безопасности в Ираке, драматичное падение цен на нефть, массовые протесты, а также на скромные показатели российско-иракского двустороннего товарооборота Ирак продолжает занимать заметное место в системе торговых и экономических отношений России со странами Ближнего и Среднего Востока. После многих лет войны Ирак сталкивается с рядом проблем, характерных для всех секторов экономики, среди которых наиболее серьезными являются ухудшение состояния экономической инфраструктуры, усиление зависимости от доходов от продажи нефти, составляющих две трети ВВП. Сельское хозяйство Ирака переживает серьезные сложности в производстве продуктов питания для растущего по численности населения. Еще долгие годы страна будет зависеть от импорта для удовлетворения внутреннего спроса на продовольствие. Пандемия явилась дополнительным серьезным фактором обострения экономической ситуации в результате слабой инвестиционной привлекательности страны вне нефтяной отрасли и неразвитого частного сектора. Тем не менее, российские компании заинтересованы в участии в реконструкции, восстановлении Ирака, в частности, таких регионов как Мосул, Киркук, Анбар. Ирак, в свою очередь, проявляет интерес в трудоустройстве своих граждан. После серьезных разрушений боевиками ИГИЛ (запрещена в РФ) нескольких регионов, количество безработных в стране увеличилось. Республика Ирак и Курдское региональное правительство (КРГ) заинтересованы в реализации масштабных проектов с участием российских компаний, в частности, в сфере энергетических и промышленных объектов. Для того, чтобы управлять и обеспечивать согласованность государственных интересов с коммерческими интересами предпринимателей и их компаний, в том числе российских, на севере Ирака в парламент Курдистана был представлен доклад о налоговой реформе.

Ключевые слова: экономика, торговля, Россия, Ирак, пандемия, нефть, диверсификация

ECONOMY

Original article

**ENERGY TRANSITION AND GLOBAL WARMING RUSSIAN-IRAQI TRADE AND
ECONOMIC COOPERATION DURING THE COVID-19 PERIOD****Midiya Ozmanyana^a**

a – IOS RAS, Moscow, Russia

a – mid67674@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9761-4663

Abstract. Despite the rapid spread of COVID-19, the lack of appropriate security measures in Iraq, a dramatic drop in oil prices, mass protests, as well as modest indicators of Russian-Iraqi bilateral trade turnover, Iraq continues to occupy a prominent place in the system of trade and economic relations between Russia and the countries of Near and Middle East. After many years

of war, Iraq is facing a number of problems characteristic for all sectors of the economy, among which the most serious are the deterioration of the state of economic infrastructure, increasing dependence on oil revenues, which make up two-thirds of GDP. Iraq's agriculture is experiencing serious difficulties in producing food for the growing population. For many years to come, the country will depend on imports to meet domestic demand for food. The pandemic was an additional serious factor in the aggravation of the economic situation in the country as a result of weak investment attractiveness of the country outside the oil industry and an poorly developed private sector. Nevertheless, Russian companies are interested in participating in the reconstruction and rehabilitation of Iraq, in particular, of such regions as Mosul, Kirkuk, Anbar. Iraq, in turn, shows interest in the employment of its citizens. After the serious destruction of several regions by ISIL militants, the number of unemployed in the country has increased. The Republic of Iraq and the Kurdish Regional Government (KRG) are interested in implementing large-scale projects with the participation of Russian companies, in particular, in the field of energy and industrial facilities. In order to manage and ensure the consistency of state interests with the commercial interests of entrepreneurs and their companies, including Russian ones, in the north of Iraq, a report on tax reform was submitted to the Kurdistan Parliament.

Keywords: economy, trade, Russia, Iraq, pandemic, oil, diversification

Влияние пандемии на сотрудничество

В последние годы Россия уделяет все большее внимание развитию торгово-экономического сотрудничества с Республикой Ирак, которые реализуются с 1958 года. Значительное место Ирак занимает в системе торгово-экономических отношений России с международными государствами. Существующий в данной сфере потенциал использован до сих пор не полностью. В наше время наиболее удачно развивается сотрудничество в нефтегазовой сфере, в которой приобретен выдающийся многолетний опыт российских и иракских нефтяников.

В период пандемии, при всех неблагоприятных факторах – резком распространении COVID-19, неразрешенных проблем с обеспечением безопасности, критическом падении цен на нефть, острой военно-политической обстановкой – продолжается участие российских компаний в реализации проектов Ирака, как на юге страны, так и в северных регионах, включая Иракский Курдистан.

На сегодняшний день, более 80% поставок из России составляют зерновые культуры и металлоизделия (в основном трубы). Россия один из крупных поставщиков труб для нефтегазовой промышленности. В небольших количествах поставляются машины и оборудования, главным образом электроэнергетическое и насосное, а также запасные части к нему.

Больше половины сельхоз продуктов, которые востребованы для экспорта – это подсолнечное масло, мука (высший, первый и второй сорт), пшеница, а также ячмень. Иракский рынок остро нуждается в поставках животных кормов, минеральных удобрений, возрос спрос на мясо птицы.

По данным Федеральной таможенной службы России статистические данные внешней торговли нашей страны с Ираком на 2020 год¹ указывают на то, что:

- экспорт древесины и изделия из нее, а также на древесный уголь возрос на 15 % по сравнению с 2019 годом. (с 26,5 млн долл. США (далее долл.) до 31 млн;
- на 43 % увеличился вывоз черных металлов (14,9 до 21,4 млн долл.);
- на 35 % возрос экспорт на электрические машины и оборудования (счетчики, мед. техника, оборудование для нефтегазовой промышленности и т. д., а также их запасные части) (с 5,1 млн до 6,8 млн долл.).

Наибольшее сокращение экспорта России в Ирак, в связи с пандемией Covid-19, зафиксировано по следующим товарным группам:

- средства наземного транспорта, исключая железнодорожные и трамвайные подвижные составы (с 126,3 до 1,2 млн долл.);
- на 45 % упал вывоз изделий из черных металлов (электрические подстанции, литейный чугун, электродуговые печи) (с 16,6 млн до 11,2 млн долл.);
- на треть снизился экспорт табака и его промышленных заменителей (с 25,7 млн до 8,3 млн долл.);
- на продукты из какао спрос упал на 18 % (шоколад, конфеты, сладости) (с 10,1 млн до 8,5 млн долл.);
- в два раза сократился экспорт фармацевтической продукции (с 8,1 млн до 4,3 млн долл.).

Хотелось бы отметить, что в 2020 году товарооборот напрямую зависел от степени распространения коронавируса.

Значение Ирака для торгово-экономических отношений РФ

Согласно данным Отдела Народонаселения ООН², население Ирака составляло 41 081 800 человек (41 млн в 2020 году. За прошлый год численность населения страны увеличилось примерно на 1 313 160 человек. Годовой прирост составил 3,3 %.

В 2021 году, по предварительным расчетам, численность населения Ирака увеличится на 1 млн 358 тыс. человек и в конце года будет составлять 42 438 000 человек (42,4 млн). Если уровень внешней миграции останется на уровне прошлого года, то суммарное количество иммигрантов будет больше эмигрантов.

Ирак разделен на 19 провинций. Они делятся на округа, а те в свою очередь на подокруга. Кроме того, в Ираке существует единственное образование, объединяющее несколько провинций – Иракский Курдистан. Российские компании преимущественно работают в Басре, Багдаде, Бадре, Киркуке, Сулеймании, Эрбиле и Дохуке.

Ирак в течение ряда лет страдал от серьезного экономического кризиса, обусловленного в основном десятилетиями плохого управления государственными ресурсами, бесконечными войнами и кризисами, падением цен на нефть. Сильнее всех пострадали семь провинций Анбар, Бабил, Багдад, Диялу, Киркук, Ниниве и Салах ад-Дин.

На сегодняшний день необходимо восстановление и строительство больниц, школ, домов (по оценкам ООН, разрушено 40 000 объектов в одном только Мосуле), требуется восстановление дорог и инфраструктуры обслуживания, а это считается ключевым для обеспечения рабочих мест и возвращения перемещенных лиц в свои родные города.

Вдобавок стране необходимы новые инвестиции для диверсификации экономики с целью сокращения зависимости от продажи нефти, для реформирования финансового сектора и модернизации стратегических инфраструктурных объектов, включая очистные сооружения водоснабжения и канализации, а также производство электроэнергии, транспортные системы, телекоммуникации, сельское хозяйство, государственные предприятия и нефтяную отрасль.

Однако, помимо гуманитарной помощи, доставляемой в районы конфликта, едва ли можно добиться ощутимого прогресса в плане восстановления с расчетом на международную поддержку.

Ирак с трудом пережил события «арабской весны» 2011 года, а также вторжения ИГИЛ (запрещена на территории РФ) в 2014 году. В октябре 2019 года страна оказалась на пороге нового кризиса. Протесты стали самыми масштабными со времени оккупации Ирака в 2003 году, и привели к затяжному политическому кризису. В период протестов демонстранты блокировали доступ к нефтяным месторождениям, и эта ситуация напрямую затронула российские энергетические компании в Ираке.

Несмотря на продолжающийся политический кризис в стране, была выстроена конструктивная работа с представителями руководства Ирака, а также членами кабинета министров страны, включая его экономический блок. Это позволило даже в сложные периоды оперативно обсуждать проблемные вопросы, касающиеся деятельности российских компаний, и в относительно приемлемые сроки решать их.

Страна практически полностью зависит от доходов от нефти, но имеет при этом крайне неразвитый частный сектор, а также плохой деловой климат, который привлекает лишь минимальные иностранные инвестиции за пределами нефтяной промышленности.

Основными отраслями коммерческой деятельности Ирака являются сырая нефть, продукты переработки нефти и природного газа. Категория прочие товары и услуги состоит из текстиля, изделий пищевой и легкой промышленности, а также из нерудных полезных ископаемых.

Российские компании широко представлены на всех предприятиях, занимающихся инвестированием и развитием нефтяной и энергетической

инфраструктуры Республики. Ключевые бизнес-интересы России в Ираке находятся в сфере энергетики и зависят от ситуации на мировом рынке углеводородов.

На севере Ирака, в Иракском Курдистане работает несколько российских нефтяных компаний: ПАО «НК «Роснефть», а также ПАО «Газпром нефть», который участвует в реализации четырех проектов, три из которых находятся на территории Иракского Курдистана. На юге страны действуют ПАО «Лукойл», ООО «СоюзНефтеГаз».

Компания «Лукойл», которая находится в стране с 2014 года, планирует увеличить инвестиции в иракские проекты. В начале июля 2021 года «Лукойл» проинформировала власти Ирака о решении продать свою долю месторождения Западная Курна-2 китайским компаниям³. Иракское правительство привержено сотрудничеству с «Лукойл» и не препятствует компании ради прогресса в инвестиционной сфере.

«Лукойл» в Ираке работает на месторождениях Западная Курна-2 и Эриду (Блок-10). Западная Курна-2 считается одной из крупнейших месторождений в мире. В 2016 году «Лукойл» открыл месторождение Эриду (площадью 5,8 тысяч квадратных километров). Данное открытие стало крупнейшим в иракском нефтяном секторе за последние 20 лет.

ПАО «НК»Роснефть» владелец 60% нефтепровода, проходящего через Иракский Курдистан – главная коммуникация, реализующая экспорт энергоносителей за границу.

26 августа 2021 года на заседании российско-иракской комиссии по торговле, экономическому и научно-техническому сотрудничеству министерство нефти Ирака и «Газпром нефть» договорились одобрить план развития месторождения Бадра (среднее по размерам месторождение), и продолжить обсуждение дополнительного соглашения к сервисному контракту проекта «Бадра»⁴. Помимо этого, представители «Газпром нефть» заметили, что для роста экономической эффективности проекта «Бадра» необходимо реализовать соглашение от 2018 года об ускорении компенсации затрат на строительство газового завода (579 млн долл.) за счет повышения компенсационной базы. В довершение всего, Россия предложила план, который по-прежнему на рассмотрении, властям Ирака о бурение зарезок в количестве четырех операций с дальнейшей возможностью тиражирования. Чем позднее предоставленный план будет реализован, тем меньший уровень Россия будет поддерживать.

В то же время, «Газпром нефть» уменьшает добычу нефти и углеводородов в Ираке и Иракском Курдистане. По их словам, происходит естественное снижение. Таким образом, производство снизилось в 2020 году по сравнению с 2019 годом на 21% – до 1,2 млн тонн. Добыча газа на Бадре снизилась на 27,3% – до 0,16 млрд куб. м.

В начале марта этого года состоялась встреча министра нефти Ирака Ихсана Джаббара и заместителя Председателя Правительства России

Александра Новака. По заявлению последнего – инвестиции российских нефтегазовых компаний в иракские проекты превысили 10 млрд долларов.

Многие российские компании заинтересованы не только в экспорте продукции, но также проявляют желание участвовать в реконструкции, восстановлении Ирака, в частности, таких регионов как Мосул, Киркук, Анбар, которые пострадали в период борьбы с ИГИЛ. Российские специалисты участвуют в восстановлении дамб, строят и реконструируют элеваторы для хранения пшеницы, гидроэлектростанции, очистные сооружения.

Российские специалисты имеют опыт работы в Ираке, в стране присутствует значительное количество российского оборудования, к тому же местные кадры получили образование в России и лояльно относятся к российским партнерам. Студенты из Ирака прилетают учиться в Россию, в основном по направлению «нефтегазовое дело», а в числе прочих направлений заметное место занимают медицина и гуманитарные науки. Число студентов и аспирантов из Ирака с каждым годом возрастает.

В этом году государственная корпорация «Росатом» вела переговоры с иракской стороной о возможном сотрудничестве в атомной сфере⁵. Обсуждались как энергетические, так и неэнергетические проекты. В долгосрочные планы Республики Ирак входит строительство восьми блоков атомных электростанций (АЭС), которые обеспечат около 25 % от общей потребности страны в электроэнергии. Реализовать этот проект может «Росатом».

Необходима продуманная стратегия для решения энергетической проблемы, вдобавок значительное финансирование. Для того, чтобы решить данную проблему в Ираке необходимы сложные внутривластные перемены, реорганизация самой структуры государственных институтов.

На сегодняшний день основным препятствием к расширению присутствия российских компаний в Ираке остается проблема безопасности в стране. Из этого следует, что Ираку необходимо уделять приоритетное внимание вопросам безопасности и благоприятным условиям для деятельности иностранных компаний, в частности, российских.

В период пандемии COVID-19 в Ираке были введены строгие карантинные меры. С 15 марта 2020 года было прекращено авиасообщение, отменены регулярные рейсы как за рубеж, так и внутри страны, что в значительной степени осложняло ротацию нефтяников на российских объектах.

25 ноября 2020 года иракская делегация во главе Ф. М. Хусейном, министром иностранных дел посетила Москву⁶. Министр был принят вице-премьером РФ Ю.И. Борисовым и главой МИД С.В. Лавровым, обсуждались вопросы двустороннего сотрудничества, в том числе проекты в сфере энергетики, промышленности, торговли, транспорта, сельского хозяйства и другие. Было отмечено, что товарооборот между Россией и Ираком значительно снизился.

По итогам 2020 года внешнеторговый оборот составил 127,3 млн долл., снизившись в два раза по сравнению с 2019 годом (264,5 млн долл.).

Вследствие этого, российский вице-премьер призвал наращивать взаимные поставки по самой широкой номенклатуре товаров, а также придать новый импульс перспективным проектам двустороннего сотрудничества в различных сферах. В свою очередь, Ф. М. Хусейн обсудил возможности по созданию промышленных объектов в Ираке, что позволило бы создать новые рабочие места. У стран есть совместный опыт работы в этой сфере.

На сегодняшний день Ирак заинтересован в трудоустройстве своих граждан. После серьезных разрушений боевиками ИГИЛ нескольких регионов, количество безработных увеличилось и иракское правительство требует у крупнейших компаний, в том числе и нефтегазовых, предоставить работу в них гражданам Ирака (до 50% рабочих мест), что позволит уменьшить количество безработных в стране.

Исключительно важным регионом является Иракский Курдистан. Он нуждается в развитии сельского хозяйства, в строительстве совместных предприятий. Правительство региона крайне заинтересовано в работе с российскими компаниями, укрепляет и развивает отношения с Россией.

По мере продления режима изоляции региона экономическая обстановка в Иракском Курдистане ухудшается. Основным источником дохода – нефть. Из-за резкого падения цены на нее и закрытия границ с соседями регион испытывает тяжелые экономические испытания.

Президент Иракского Курдистана Нечирван Барзани и посол России в Ираке Максим Максимов 1 декабря 2020 г. во время встречи подчеркнули, что есть возможность и существует благоприятная почва для расширения и диверсификации отношений Иракского Курдистана с Россией, и что на следующих этапах больше внимания будет уделяться развитию отношений между ними в сельскохозяйственной и промышленной областях. Будет также уделено внимание увеличению и расширению возможностей для туризма и путешествий и развития контактов между Иракским Курдистаном и Россией. Для достижения этих целей будет обсужден вопрос об увеличении авиарейсов между Эрбилем, главным городом Курдистана, и Москвой. Следует заметить, что 21 сентября 2021 года Россия возобновила авиационное сообщение с Ираком. В Багдад будут осуществляться два рейса в неделю.

Как отмечалось ранее, Ирак по-прежнему строит свою экономику на торговле нефтью и газом. В краткосрочной перспективе это может поддержать на плаву страну, но через 10–15 лет экономика Ирака может обрушиться из-за падения спроса на углеводороды на мировом рынке.

При этом нужно иметь в виду, что уже сегодня такие страны, как США, Япония, Китай, а также страны ЕС начали активно переходить на «чистые» источники энергии (биотопливо, солнечная, ветряная и т.д.). Существует мнение, что в будущем резко уменьшится объем продаж углеводородов, а странам-экспортерам нефти и природного газа придется искать новые источники валютных поступлений.

Совершенно очевидно, что как Ираку, так и Иракскому Курдистану необходимо уделить внимание диверсификации экономики региона. Курдистан обладает прекрасными климатическими условиями для развития сельского хозяйства и животноводства, следует обратить внимание на проекты по строительству гидроэлектростанций (ГЭС), солнечных (СЭС) и ветровых (ВЭС) электростанций и т.п. Данные проекты обеспечат население региона новыми рабочими местами, а также станут основой для формирования отраслей по производству возобновляемых источников энергии.

К примеру, солнечные системы должны будут соответствовать последним техническим требованиям, которые гарантируют, что системы просты в использовании, устойчивы, имеют высокие технические характеристики и качество для использования гражданами и всеми другими видами деятельности (промышленная, сельскохозяйственная и т.д.).

Перейдя на «чистый» источник энергии, несомненно, произойдет качественный и четкий сдвиг в изменении поведения иракского гражданина в использовании возобновляемых источников энергии и солнечной энергии не только на уровне государственных учреждений, но и на уровне жилых комплексов. Новые источники энергии положат конец страданиям граждан от расходов на частные генераторы и загрязнения ими воздуха, а переход на системы солнечной энергии, обеспечат достаточное количество часов и чистой энергии.

Реализовав такие планы, Ирак и Иракский Курдистан обезопасят себя и своих граждан от финансовых и энергетических кризисов. Россия, в свою очередь, готова увеличить торговлю и инвестиции в Ирак и Иракский Курдистан.

Нужно отметить, что в мае этого года, региональное правительство Курдистана (КРГ) представило в парламент региона доклад о налоговой реформе⁷. В соответствии с ним в целях снижения налогового бремени предполагается принять ряд юридических и административных мер. Среди них, в частности, такие:

1. Подходный налог с нефти и топливных продуктов, побочных и химических продуктов, а также топливных отходов будет взиматься следующим образом:
 - 7% налог на стоимость при импорте;
 - 4% налог на стоимость при экспорте.
2. Ни одна нефтегазовая компания не сможет работать в Курдистане, пока не уплатит налоги в полном объеме
3. Министерство природных ресурсов будет оценивать и проверять налоги компаний, работающих в регионе.
4. Иностранные сотрудники нефтегазовой отрасли, которые начали работать на севере Ирака с начала 2021, будут обязаны платить налоги.

Данная реформа направлена на управление и обеспечение согласованности государственных интересов с коммерческими интересами предпринимателей и их компаний, в том числе российских. Это один из экономических методов с помощью которой налаживается внешнеэкономическая деятельность, а именно формируется прибыль компании и привлекаются международные инвестиции. Надо полагать, что налоговая реформа не только сбалансирует бюджет региона, но и станет одной из мер формирования более успешно работающей хозяйственной системы Иракского Курдистана.

Заключение

Взаимодействие России и Ирака носит весьма активный характер, несмотря на действующие ограничения и влияние на ситуацию пандемии коронавируса.

Между Россией и Ираком сильны исторические корни, ещё с советских времен оба государства тесно сотрудничают между собой. За последние годы мы наблюдаем сближение между Россией и Ираком, и в первую очередь это касается сотрудничества в экономической и политической сферах.

За годы санкций и оккупации в Ираке была полностью уничтожена промышленность, а сельское хозяйство пришло в упадок. В результате Ирак сегодня сильно зависит от импорта товаров и услуг.

С начала пандемии экономическая ситуация в Ираке лишь ухудшается, а уровень бедности растёт. К тому же, без соответствующих мер страна не сможет оправиться от острых потрясений, а отсутствие надлежащих мер безопасности все чаще отталкивает российских и иных инвесторов, которые в силах внести улучшения в экономику страны.

Правительству Ирака необходимо выстроить четкую стратегию того, как восстановить разрушенные районы и как привлечь деловое сообщество, привлечь местные, национальные, и международные, в том числе российские, компании.

Одной из проблем является то, что в Ираке очень медленно, больше месяца, регистрируют российские компании. К сожалению, это зачастую отталкивает бизнесменов. Иракской стороне стоит более высоко оценивать возможности России и ее предпринимателей, и регистрировать компании так же быстро, как и западные фирмы – не более двух недель.

Ирак сейчас рассматривает варианты для облегчения сертификации российской продукции на территории Республики для того, чтобы не проходить двойную сертификацию, как и европейские, западные страны. Это будет большим шагом для российского бизнеса в Ираке, который приведет к увеличению экспорта.

Несмотря на все затруднения, Москва и Багдад продолжают стабильно развивать взаимовыгодные торгово-экономические отношения. Принимая

во внимание все долгосрочные контракты и соглашения, заключенные между Россией и Ираком за последние годы, следует ожидать, что в экономике Республики Ирак российский капитал займет со временем существенно более прочное положение.

Список источников

1. Товарооборот России с Ираком // Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiye-i-irakom-v-2019-g/> (дата обращения: 14.09.2021).
2. 2020 Revision of World Urbanization Prospects // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. URL: <https://population.un.org/wup/> (дата обращения 14.09.2021).
3. Лукойл сообщил Ираку о намерении продать Китаю долю в Западной Курне-2 // ПРАЙМ. Агентство экономической информации. 03.07.2021. URL: <https://1prime.ru/oil/20210703/834106804.html> (дата обращения: 15.09.2021).
4. Юрий Борисов провёл девятое заседание Российско-Иракской Межправительственной комиссии по торговле, экономическому и научно-техническому сотрудничеству // Правительство России. 26.08.2021. URL: <http://government.ru/news/43103/> (дата обращения: 15.09.2021).
5. Росатом обсуждает с Ираком возможное сотрудничество в мирном атоме // ТАСС. 15.06.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11653979> (дата обращения: 15.09.2021).
6. Военно-нефтяной альянс // Коммерсантъ. 26.11.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4585717> (дата обращения: 15.09.2021).
7. В Курдистане готовятся к налоговой реформе // Kurdistan.Ru. 11.05.2021. URL: https://kurdistan.ru/2021/05/11/news-41878_V_Kurdistane_gotovya.html (дата обращения: 15.09.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ми́дия Саидовна Озмаян – младший Ozmanyany Midiya – Junior Researcher, научный сотрудник ИВ РАН, Москва, IOS RAS, Moscow, Russia. Россия.

ECONOMY

Original article

DOI: 10.31696/2227-5568-2021-02-029-036

**RUSSIA, PAKISTAN AND UZBEKISTAN: NEW TRANSPORT PROJECTS
IN EURASIA AND THE DEVELOPMENT OF MULTILATERAL ECONOMIC
COOPERATION**

Alexander Vorobyev^a

a – IOS RAS, Moscow, Russia

a – vorobiov.09@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5100-8369

Abstract. The article is devoted to the analysis of the current state and prospects of multilateral cooperation between Russia, Pakistan and Uzbekistan. Currently, Central Eurasia is becoming a space for closer political, economic and humanitarian cooperation. Russia, Pakistan and Uzbekistan play important and active roles in the Eurasian political and economic field. In recent years, there have been trends in bilateral rapprochement along the lines of «Russia-Pakistan», «Pakistan-Uzbekistan». Relations between Russia and Uzbekistan were traditionally quite intense, but they reached a new level after the change of power in Uzbekistan in 2016. The article examines the prospects for cooperation between the parties in the trade and economic sphere, the development of transport communications, social and humanitarian areas, as well as in the field of political coordination. It also analyzes the risks and obstacles that may hinder the intensive development of multilateral cooperation of the three countries.

Keywords: Afghanistan, Central Eurasia, economic integration, Eurasian Economic Union, Pakistani-Uzbek relations, Russian-Pakistani relations, Russian-Uzbek relations, Sustainable Development, trans-Afghan railway, transport corridors, Pakistani Stream, Taliban

ЭКОНОМИКА

Научная статья

**РОССИЯ, ПАКИСТАН И УЗБЕКИСТАН: НОВЫЕ ТРАНСПОРТНЫЕ ПРОЕКТЫ
В ЕВРАЗИИ И РАЗВИТИЕ МНОГОСТОРОННЕГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА**

Воробьев Александр Вячеславович^a

a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

a – vorobiov.09@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-5100-8369

Аннотация. Статья посвящена анализу текущего состояния и перспектив многостороннего развития сотрудничества между Россией, Пакистаном и Узбекистаном. В настоящее время Центральная Евразия становится пространством более тесного политического, экономического и гуманитарного взаимодействия. Москва, Ташкент и Исламабад играют важную роль в евразийской политической и экономической жизни. В последние годы развились двусторонние связи по линии «Россия-Пакистан», «Пакистан-Узбекистан». Отношения между Россией и Узбекистаном традиционно были на высоком уровне, но получили дополнительный импульс в последние годы. Помимо анализа возможностей многостороннего взаимодействия

в экономической и политической сферах, в статье также рассматриваются риски и вызовы, которые могут помешать развитию сотрудничества.

Ключевые слова: Афганистан, Евразийский экономический союз, экономическая интеграция, Пакистанский поток, пакистано-узбекистанские взаимоотношения, российско-пакистанские отношения, российско-узбекистанские отношения, трансафганская железная дорога, транспортные коридоры, Талибан, устойчивое развитие

In the first decades of the XXI century, the role of Central Eurasia as a link between different parts of the Eurasian continent has increased significantly due to the development of transport links. First of all, we are talking about the development of latitudinal transport routes connecting East Asia with Europe. However, the transport links running in the meridional direction – from the North to the South – are no less important. The development of such a system of communications will contribute to connect the northern part of Eurasia, which is more industrially developed, with the southern part, which is densely populated and dynamically developing. Interaction between Russia, Uzbekistan and Pakistan could play an important role in these geo-economic processes.

The existing system of ties between the northern, «post-Soviet» part of Eurasia and the southern one, which includes Pakistan, India and other states of South Asia, is far from perfect today. There are established and stably functioning economic ties in the northern, «post-Soviet» part, which tend to further strengthen. The Eurasian Economic Union has been functioning since 2015. Uzbekistan, which became an observer in the EAEU in 2020, is building up cooperation in this direction. Even as a result of a very difficult year in economic terms due to pandemic restrictions in 2020, the volume of rail and road transport between Russia and Uzbekistan increased by 27.4 and 27.9%. Russia ranks second after China in the list of Uzbekistan's partners in trade – the figure was 15% at the end of 2020. The third place is occupied by neighboring Kazakhstan with a share of 8% of the total trade turnover of Uzbekistan¹). Contacts with Russia in the humanitarian sphere are growing. Military cooperation is also at a high level, despite the fact that Uzbekistan is not a member of the CSTO. In April of this year, Russia and Uzbekistan signed a strategic partnership program in the military field for 2021–2025.

In the southern part of the system of interactions, one can observe a demographically growing densely populated region, which is characterized by an energy deficit, structural imbalances in the development of the economy with a large share of agriculture. According to the World Bank data the rates of economic growth of Pakistan reached 5.5% in 2017 and 5.8% in 2018 but slowed down in 2019 and 2020, showing a result of 0.99 and 0.53%, respectively²). Pakistan and

¹ Export statistics. Ministry of Investments and Foreign Trade of the Republic of Uzbekistan <https://mift.uz/en/pages/statistika-eksporta> (accessed 15.09.2021).

² GDP growth (annual%) – Pakistan // <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=PK> (accessed 13.09.2021).

neighboring states, due to demography, are promising sales markets, and they are also characterized by the so-called «low base effect».

At the same time, the level of economic interaction between the northern and southern parts of Eurasia is not yet too high. Thus, at the end of 2020, the volume of trade between Russia and Pakistan was 10 times less than the trade turnover between Russia and Uzbekistan: \$ 5.6 billion against \$ 0.73 billion. However, it is important to note a positive trend: at the end of 2019, trade turnover Russia and Pakistan amounted to 0.54 billion dollars³.

That is, the growth of trade turnover for the year amounted to 35%. Also, according to Pakistani Ambassador to Russia Shafgat Ali Khan, the parties plan to hold an economic conference between Moscow and Islamabad in 2021 or 2022.

A similar positive trend is observed in the economic relations between Uzbekistan and Pakistan. During the period from 2017 to 2020, the foreign trade turnover of the two states increased 3.4 times – from 36.5 million to 123.3 million. At the same time, the foreign trade balance is in favor of Uzbekistan: the country exported goods and services by \$ 98.5 million and imported \$ 24.8 million⁴. Uzbekistan exported foodstuffs, textiles and services to Pakistan, and imported chemical products and foodstuffs. In general, based on these figures, it can be noted that in absolute figures the trade turnover between Russia and Pakistan is six times higher than the trade turnover between Uzbekistan and Pakistan. However, Tashkent has a consistently positive balance in trade with Islamabad, while Russia gets different indicators from year to year trade balance. In July 2021, Uzbekistan and Pakistan agreed to conclude a bilateral preferential trade agreement (FTA) over the next three months⁵.

Further disclosure of the potential for cooperation on the basis of multilateral interaction is beneficial for both Uzbekistan and Russia as well as Pakistan. The strengthening of cooperation with Islamabad and the development of transport infrastructure – the construction of a railway to Pakistan through Afghanistan – means obtaining additional opportunities for Tashkent due to access to the ports of the Indian Ocean. Opportunities for the export of Uzbek goods and services to the south, including Afghanistan, are also expanding. As noted above, Uzbek exports to Afghanistan and Pakistan are beneficial to Tashkent due to the positive trade balance, as well as the «low base effect». The transformation of a transit state, similar to what Kazakhstan has become within the framework of China's implementation of the Belt and Road Initiative and the construction of latitudinal highways from East Asia to Europe will also be a plus for Uzbekistan.

³ Torgovlya mezhdru Pakistanom i Rossiei v 2019 goduy // <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdru-rossiei-i-pakistanom-v-2019-g/> (accessed 03.09.2021).

⁴ Infografika: Vneshnyaya torgovlya Uzbekistana s Pakistanom // <https://review.uz/post/infografika-torgovo-ekonomicheskogo-i-investicionnogo-sotrudnichestva-mejdu-uzbekistanom-i-pakistanom> (accessed 12.09.2021).

⁵ Pakistan, Uzbekistan agree to finalise PTA within three months // <https://dailytimes.com.pk/791662/pakistan-uzbekistan-agree-to-finalise-pta-within-three-months> (accessed 15.09.2021).

For Pakistan and other South Asian states, increased interaction and transport connectivity with Central Asia will also mean greater export opportunities northward. At the same time, one need to understand that we are talking to a greater extent about exports to Uzbekistan and other countries of Central Asia. With regard to Russia, especially its European part, the sea freight transportation from the ports of the Indian Ocean to the ports of the European part of Russia can successfully compete with rail transportation in terms of price. However, the possibilities of using railways would also be a good addition to maritime transport.

As for Russia, on the one hand, the construction of transport arteries from Uzbekistan to the south in a sense means a further loss of the «monopoly» on transport from the Central Asian region. However, the process is inevitable. It is also very beneficial for Russia in general to strengthen cooperation with the capacious and growing markets of South Asia, which are of great interest for Moscow, including in terms of energy exports. An indicator of the importance of economic ties with Pakistan for Russia is, for example, the construction of the Pakistan Stream Pipeline, which will connect the south and north of Pakistan. The gas pipeline will have a length of 1,100 km from Karachi to Lahore and a design capacity of 12.4 billion cubic meters per year⁶. For Moscow, deliveries of Russian products by rail to the South are unlikely to be of the same interest as, for example, for Uzbekistan. However, they can be beneficial in two ways. The first is the export of products from the regions of Russia remote from the sea and close to Kazakhstan (Middle and South Urals, Western Siberia). The second is the export deliveries of products manufactured by joint Russian-Uzbek enterprises on the territory of Uzbekistan (for example, automotive products, building materials, agricultural machinery, etc.)

When it comes to economic interaction with Moscow, one cannot but touch upon the functioning of the Eurasian Economic Union, which, in addition to Russia, also includes Kazakhstan, Kyrgyzstan, Belarus and Armenia. Each of these countries has something to offer Pakistan and other South Asian states. Two EAEU states – Kazakhstan and Kyrgyzstan directly located in Central Asia and are close to Uzbekistan in terms of their economic and geographical location. It is also important that joint production chains are developing within the EAEU. Similar products manufactured in the EAEU states located in Central Asia, as well as the products of joint Russian-Uzbek enterprises, could be exported via meridional overland routes. In turn, this would increase the interest of official Islamabad in cooperation with the EAEU with the possible formation of a free trade zone in the medium term.

In the interests of all, without exception, participants in the Eurasian political and economic communication, there would also be such a consequence as strengthening of multilateral cooperation and the development of transport connectivity in Central Eurasia as the creation of more favorable conditions

⁶ Pakistan, Russia to firm up gas pipeline project agreement // <https://www.dawn.com/news/1642846/pakistan-russia-to-firm-up-gas-pipeline-project-agreement>(accessed 15.09.2021).

for the «pacification» of Afghanistan. Of course, this is a lengthy process. The situation around Afghanistan is extremely turbulent, and the efficiency of the financial support allocated to Afghanistan is very small. But, nevertheless, such an alignment of forces, when the destabilization of the situation in this country becomes unproductive for any of Afghanistan's neighbors, increases the chances for a gradual improvement in the socio-economic and political situation in Afghanistan.

There are some serious obstacles to the development of multilateral cooperation between Russia, Uzbekistan and Central Asia. The obstacles can seriously harm most of the parties' good initiatives. Successful overcoming of the obstacles will be the key to the success of multilateral cooperation.

The first problem, of course, is the situation in Afghanistan, which is a «bridge» from Central Asia to South Asia. The situation is very turbulent due to the withdrawal of the US and NATO troops and it is already a fait accompli that the power in the country has passed to the Taliban. Perhaps the optimism emanating from a part of the expert community that the Taliban will be able to consolidate power in the country and become more moderate is excessive. In the medium term, the development of Afghanistan will be accompanied by a number of risks. Firstly, this is the lack of skills of the Taliban for effective political administration of the state and the risk of growing internal contradictions. The time of unification against a common enemy has passed, now the time has come for internal conflicts between the leaders of clans, groups, etc. Secondly, it is the most difficult economic situation in the country, which is hardly be improved even over the course of several years. Socio-economic discontent can provoke unrest and rebellion in the country. Thirdly, it is the factor of Islamist radicals. The Taliban's disengagement from Islamic State and al-Qaeda may be rhetorical rather than factual. The atmosphere of uncertainty can create difficulties for the development of economic projects in Afghanistan. It will also negatively affect the cost of delivery of goods, the cost of risk insurance.

In such an uncertain situation, the similarity of the positions of Russia, Uzbekistan, Pakistan, and also China with regard to the situation in Afghanistan is very important. All sides proceed from the fact that it is necessary to maintain a dialogue with the Taliban movement and help the new authorities of Afghanistan to pacify the country, reduce the degree of tension in society and support the Taliban's initiatives to disengage from radical extremist groups such as Al-Qaeda and the Islamic State. At the end of September 2021, the special envoys of Russia, China and Pakistan for Afghanistan Zamir Kabulov, Yue Xiaoyun and Mohammad Saddiq met with the Taliban. They discussed a wide range of issues related to the latest political changes» in the country, according to the Russian Foreign Ministry's website on September 22⁷. The visit to Kabul took place «at the invitation of the Taliban authorities.» The militants have paid particular attention to «promoting

⁷ Taliban stress role of relations with Russia, China, Pakistan – Russian Foreign Ministry // <https://tass.com/world/1341039>(accessed 25.09.2021).

relations» with Russia, China and Pakistan and declared their special role in consolidating peace in Afghanistan. It is noteworthy that in September of this year in the south of Russia the annual joint exercises of Russia and Pakistan called «Friendship – 2021» started. They continue a series of joint maneuvers and contacts between high-ranking military officials of the two countries, the latest of which was a visit to Moscow by the chairman of the Joint Chiefs of Staff of the Pakistani Armed Forces, Nadim Raza. The intensification of military cooperation between the Russian Federation and Pakistan is taking place against the background of the growing threat of the spread of terrorist activity from Afghanistan⁸.

One should not discount the risks of competitive relations between the Eurasian powers: in particular between Pakistan and India. The risk of armed confrontation between Pakistan and India is real. It is also necessary to take into account the fact that the Pakistani territory is not large in terms of its length from the West to the East. Islamabad has practically no strategic depth. In case of rising international tension infrastructure routes on the territory of Pakistan may be under threat.

The third difficulty lies in the specific filling of multilateral cooperation with goods and services. Economic relations between Russia and Uzbekistan are well-established and institutionalized, but the same cannot be said about the economic relations between Russia and Pakistan or Uzbekistan with Pakistan, even despite the increase in mutual trade.

Finally, the fourth barrier is a significant difference in the legislation of all three states, as well as differences in the culture of doing business. If the development of the legal systems of Russia and Uzbekistan, for obvious reasons, for a long time took place within the framework of common standards, and this interconnection has largely remained in our days, then the development of the legal system of Pakistan was carried out in completely different concrete historical conditions. There is British and Islamic influence and the influence of the Anglo-Saxon system of law. Naturally, significant differences will inevitably complicate business cooperation and increase the costs of business to overcome them. In the Doing Business – 2020 ranking, Russia ranks 28, Uzbekistan – 69, and Pakistan only 108⁹. In the rating of states for achieving the global Sustainable Development Goals Sustainable Development Ranking – 2021, which, among other things, reflects the conditions of economic activity in the country, as well as the general socio-economic climate, Russia is in 46th place, Uzbekistan is in 77th, and Pakistan is in 129th position¹⁰.

This may indirectly indicate that both Russian and Uzbek businesses in practice will find it quite difficult to adapt to Pakistani business and socio-economic

⁸ Pakistan, Russian special forces take part in Druzhba-VI exercise // <https://tribune.com.pk/story/2322519/pakistan-russian-special-forces-take-part-in-druzhba-vi-exercise> (accessed 29.09.2021).

⁹ Doing Business – 2020 Report // <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf> (accessed 15.09.2021).

¹⁰ Sustainable Development Report 2021 // <https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopmentreport/2021-sustainable-development-report.pdf> (accessed 25.09.2021).

realities without the help of the state and a loyal, benevolent attitude towards investors and entrepreneurs on the part of Pakistani government bodies.

To overcome the above barriers, it would be advisable to take a number of measures. First, it is necessary to jointly exert maximum efforts to «pacify» Afghanistan, including through the creation of platforms for political negotiations and the establishment of support funds. At the same time, one must be prepared for the fact that investments and infusions into Afghanistan will bring minimal returns. Second, to the extent possible, it is necessary to maintain inclusiveness and at all costs avoid escalating tensions in Central Eurasia and South Asia, pursue a policy of engaging as many Eurasian players as possible and creating favorable conditions for all, without trying to play a zero-sum game. A successful platform for such a dialogue is the platform of the Shanghai Cooperation Organization. Thirdly, it is necessary to pay attention to the development of the legal framework of relations between Russia – Pakistan, Uzbekistan – Pakistan, the conclusion of framework interstate agreements that would create a clearer legal framework for business cooperation between Russia, Uzbekistan and Pakistan, would reduce the risks of potential business failures. cooperation due to differences in legislation and business culture.

Fourth, it is necessary to take measures in advance to increase the number of commodity deliveries in relation to each other, both in terms of assortment and volume. The question of WHAT will be transported by rail, both in one and the other direction, is important. What kind of products is Russia ready to supply to Pakistan through Uzbekistan? What will Uzbekistan send to Pakistan and Indian Ocean ports? What is Pakistan ready to offer for export to the north? Are the parties ready to accept each other's goods and are they not worried that this may create additional stress in national markets? These questions require reflection and inquiry. It would also be useful to hold joint business forums, business missions, mutual participation in business exhibitions in order to present the existing product range and help entrepreneurs to establish personal and business contacts with each other.

Finally, it is also important to note that speaking about multilateral cooperation it would be wrong to talk only about the economy, even despite the importance of this topic. The potential for multilateral cooperation between Russia, Uzbekistan and Pakistan, of course, is not exhausted by this. At present, «People-to-People» contacts (albeit adjusted for the pandemic), cultural cooperation, and tourism are acquiring an increasing role. As for the latter, the potential of this industry in multilateral cooperation between the countries is drastically underutilized. If tourism from Russia to Uzbekistan has a decent turnover in the pre-pandemic years, then Russian-Pakistani mutual tourism, as well as Uzbek-Pakistani tourism, is rather poorly developed. Meanwhile, this is a very attractive direction. Part of Pakistani society has a very strong interest in Russian culture. Tours to Moscow, St. Petersburg, the cities of the «Golden Ring» around Moscow could be in great demand.

There are also traditionally Islamic regions in Russia, such as Tatarstan, Chechnya, Bashkortostan and others. Religious tourism in these areas, as well as in the direction of historical pearls and religious shrines of Uzbekistan, such as Samarkand, Khiva, Bukhara, would be in great demand in the new everyday reality and would bring significant mutual economic benefits. At the same time, for tourism from Pakistan to Uzbekistan and especially Russia, it is still advisable to develop regular flights. Recall that at present it is impossible to fly from Russia to any city in Pakistan by direct flight.

Another important area of cooperation between Russia, Uzbekistan and Pakistan can be interaction in the field of urbanism and urban development. This area includes a wide range of issues, ranging from planning and urban planning, issues of development of the transport system and ending with the problem of waste collection and processing. Pakistan, whose population is rapidly growing and urbanizing, faces challenges in this area. As for Russia, Moscow has accumulated a fairly solid urban development potential and experience in this area. This is especially true for the Moscow region. The Moscow authorities certainly have the valuable experience to share with Pakistan. Speaking about Uzbekistan, one should pay attention to the fact that the country's authorities are paying big attention to interaction with the United Nations in the field of achieving the Global Sustainable Development Goals. A number of defined Sustainable Development Goals are both aimed at the development of a comfortable and environmentally friendly urban infrastructure, and the development of the urban environment.

Cooperation in the field of healthcare and education could also become important points of humanitarian interaction between Russia, Uzbekistan and Pakistan. Mutual exchange of experience in the fight against the coronavirus pandemic, cooperation in the field of vaccine circulation is likely to remain a significant area in the coming years. Educational programs for Pakistani students at Russian universities could play a role in strengthening ties between the states. In contrast to Uzbekistan, the difficulty here is the language barrier. It could be overcome through teaching in English, or through the formation of a network of Russian-language schools in Pakistan.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Воробьев Александр Вячеславович – Vorobyev Alexander – PhD (History),
к. и. н., научный сотрудник ИВ РАН, Мо- Researcher, IOS RAS, Moscow, Russia.
сква, Россия.

ПОЛИТИКА

Научная статья

DOI: 10.31696/2227-5568-2021-03-037-045

РЕВАНШ ТАЛИБОВ* И АФГАНСКАЯ ЭКОНОМИКА

Окимбеков Убайд Вафабекович^а

а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

а – ubayd@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-3452-3630

Аннотация. В статье дается анализ общего состояния экономики Афганистана, происходившие в ней изменения за последние два десятилетия, выделены основные факторы, способствовавшие относительному ее росту, а также сдерживавшие развитие. Основное внимание направлено на проблемы последних полтора года, приведшие к обострению гуманитарного и экономического кризиса. Описывается картина сложившейся социально-экономической ситуации после захвата власти талибами и перспективы дальнейшего развития экономики страны.

Ключевые слова: Афганистан, экономика, талибы, нестабильность, коронавирус, мировое сообщество, гуманитарный кризис

POLITICS

Original article

REVANCHE OF THE TALIBAN AND THE AFGHAN ECONOMY

Ubaid Okimbekov^a

а – IOS RAS, Moscow, Russia

а – ubayd@inbox.ru, ORCID: 0000-0002-3452-3630

Abstract. the article analyzes the general state of the economy of Afghanistan, the changes that have taken place in it over the past two decades, highlights the main factors that contributed to its relative growth, as well as hindered development. The main attention is focused on the problems of the last year and a half, which led to an aggravation of the humanitarian and economic crisis. The article describes the picture of the current socio-economic situation after the seizure of power by the Taliban and the prospects for further development of the country's economy.

Keywords: Afghanistan, economy, Taliban, instability, coronavirus, world community, humanitarian crisis

Примерно за два месяца до 20-летия операции «Несокрушимая свобода», ставшей ответом против режима талибов (запрещенная в России организация) за события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, распалась политическая власть, правившая Афганистаном при всесторонней внешней экономической и военной помощи. На арену снова вышли талибы, сила о победе над которой было объявлено еще в первые годы упомянутой операции тогдашним американским президентом Дж. Бушем. В итоге

* — здесь и далее — запрещенная в РФ организация.

продолжавшегося противостояния 15 августа 2021 г. афганский президент А. Гани вместе со своими близкими соратниками тайно покинул страну, и талибы в тот же день вошли в Кабул, а через несколько дней объявили о создании временного правительства, которое пока ни одной из стран мира не получило признание. Но главное введенное ими изменение, против которого раньше в ходе переговоров выступали все страны мира (в частности Россия, Китай и Пакистан), и чего не желали, коснулось судьбу государственного устройство: Афганистан из Исламской республики был переименован в Исламский эмират. Это решение вызывает озабоченность как мирового, так и афганского сообщества, часть которого (преимущественно городское население) привыкла жить в рамках относительно свободных и приемлемых жизненных норм. С выводом войск США и распадом прежней власти все программы помощи и развития приостановились, а механизмы афганской экономики моментально перестали функционировать, что говорит о незначительности эффекта программ развития. Талибы в течении трех месяцев перед захватом столицы нацелились на главные приграничные таможенные пункты севера и запада страны, парализовав внешнюю и транзитную торговлю, что ежедневно лишило тогдашних властей до одного миллиона долларов¹.

В течение последних полтора года афганская экономика столкнулась с тремя негативными факторами – пандемией коронавируса, засухами и дестабилизацией военно-политической обстановки. Каждый из них в отдельности нанес сильный удар, но на сегодня они в сумме обостряют непростую кризисную обстановку.

Поражение прежнего режима являлось следствием множество факторов, главными среди которых были повсеместная коррупция во всех эшелонах власти, систематические вымогательства, допущенные в отношении бизнеса и населения со стороны сотрудников милиции, налоговых органов и таможенной структуры. Экономика сегодня испытывает крайнюю нужду в поддержке извне, а доходы бюджета от внутренних источников сократились до минимального значения. Объемы внешней и внутренней торговли с одной стороны упали вследствие значительного спада покупательной способности населения, с другой отрицательно сказывалось закрытые границы с соседними странами.

Говоря о состоянии афганской экономики в канун распада власти А. Гани, отметим, что ретроспективный анализ показывает некоторое ее развитие по сравнению с 2001 г., отмечает структурные изменения, главной движущей силой которых являлась всесторонняя внешняя экономическая и техническая помощь. В результате улучшились отдельные макроэкономические показатели, в стране появились промышленные парки, первые железные дороги, построились и восстанавливались автомобильные дороги, ирригационные сооружения, гидро- и теплоэлектростанции,

¹ <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11994231>.

линии электропередачи, снабжающие страну электричеством из соседних стран, развивалась система телекоммуникаций, возродилась банковская система. За эти годы в эксплуатацию сдавались и некоторые объекты долгострой, работы над которыми начались еще в первые годы президентства М. Дауда и затягивались из-за ухудшения военно-политической обстановки. К таковым относятся плотины Салма, введенная в эксплуатацию в 2016 г. и Камаль-хан – в марте текущего года.

Экономика Афганистана, подпитываемая внешней помощью, ежегодно росла в объемах. В частности, ВВП страны с 2002 по 2019 гг. вырос примерно в пять раз и достиг 19,5 млрд долл., показатель ВВП на душу населения поднялся с 201 долл. в 2002 г. до 681 в 2017 г., но снова снизился до 569 в 2020 г. До 2013 г. темпы роста ВВП, сопровождавшиеся резкими колебаниями, были высокими, но начиная с 2014 г. стабильно находились ниже 3% и только в 2019 г. приблизились к отметке 4%, что отчасти произошло за счет высокого урожая сельского хозяйства в следствии благоприятных для отрасли погодных условий. За прошедшие годы впервые в 2020 г. ВВП показывал максимальный спад – точнее его объем по сравнению с 2019 г. (19583,11 млрд долл.) снизился на 1,9% (19204,2 млрд).

Динамика показателя ВВП по отраслям, (%)

	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Сельское хозяйство	-4,42	17,46	5,31
Промышленность	11,07	4,85	-4,22
Сфера услуги	1,94	-1,39	-4,76
Импорт	0,54	-5,65	-7,21
Итого	1,2	3,9	- 1,9

Вторым фактором экономического роста выступала относительная военно-политическая стабильность в главных городах и провинциях, позволившая реализовывать многие проекты развития. Но, с другой стороны, при более эффективном использовании выделенных средств можно было бы достичь еще больших результатов. За истекшее время, которое без преувеличения можно называть уникальным шансом для афганской экономики, все имевшиеся в наличии ресурсы и возможности должным образом не были использованы. Это было связано как с препятствиями, связанными с тотальной коррупцией как внутри власти, так и иностранных подрядных и неправительственных организаций, несвоевременность выполнения взятых на себя донорами обязательств, ставшие причинами затягивания сроков реализации многих проектов.

Афганская экономика на протяжении двух декад продолжила находиться в прямой зависимости от внешних поступлений и никоим образом не стала самодостаточной. Особо четко это выразилось на фоне периодически

постигших страну засух (почти каждые четыре-пять лет), а в 2020 г. пандемии коронавируса. К 2020 г. наблюдалось еще большее ухудшение многих показателей социально-экономической жизни Афганистана. Если в 2007 г. 21 % афганского населения жили за чертой бедности (с доходом менее 2064 афгани, или 27,5 долл. в месяц), в 2018 г. их доля выросла более чем в два раза и достигла 54 % (или 13 млн человек). По оценкам Всемирного банка, в 2020 г. из-за экономического спада общий уровень бедности увеличился с 55 % до 72 %, при этом МВФ прогнозировал 5 %-й спад ВВП Афганистана в 2021 г., в связи с чем Управление ООН по гуманитарным вопросам заранее заявило о потребностях в дополнительных 1,3 млрд долл. на гуманитарную помощь Афганистану.

Сельское хозяйство, где проживает до 80 % афганского населения, остается одной из менее развитых отраслей национальной экономики. Факторами резких колебаний в объемах производства аграрного сектора выступают природные стихии, неразвитость системы ирригации, нехватки водных ресурсов. В текущем году, по прогнозам, страна даже при самих лучших условиях ожидала получения 4 млн тонн пшеницы, в то время как спрос составляет свыше 6 млн². Очередная засуха, наступившая в этом году, затронула 25 провинций из 34³. К пострадавшим провинциям, главным образом, относятся Бадахшан, Тахар, Гур, Балх, Фарьяб, Бадгис, Герат, Джаузджан и другие, считающиеся основными производителями сельхозпродукции. Следует отметить, что в 2020 г. на долю провинций севера и запада страны приходилось около половины полученного сельскохозяйственного урожая⁴. В дополнении к этому ухудшение политической обстановки не позволило многим крестьянам завершить работы по обработке почвы или сбору урожая.

Что касается внутренних поступлений, то их доля росла медленными темпами и к 2019 г., согласно данным афганской официальной статистики, достигла 49 % от общих доходов бюджета, но в 2020 г. уменьшилась до 38 %. За последние годы поступления от внутренних источников показывали ежегодный рост, что в основном происходило за счет повышения налоговых ставок и тарифов. По мере ухудшения ситуации и разговоров вокруг скорого полного вывода сил коалиции из страны, мелкий и средний бизнес начал покидать Афганистан. В 2020 г. на фоне переговоров между США и талибами по сведениям афганской торгово-промышленной палаты страну покинули 1,2 тыс. бизнесменов и инвесторов, что непосредственно было связано с политической нестабильностью, коррупцией в системе власти. Хотя крупные инвесторы и раньше физически находились за пределы страны, но к указанному времени фиксировался уход средних и мелких,

² <https://www.bbc.com/persian/afghanistan-57508480>.

³ <https://da.azadiradio.com/a/31331595.html>.

⁴ Afghanistan Statistical Yearbook 2020 (first Version). P. 163.

присутствовавших в Афганистане, ибо только на обеспечение собственной безопасности они ежегодно тратили 25 % полученного дохода⁵.

Поддержание афганской экономики на прежнем уровне требует и прежних объемов финансирования. Страна теперь не только осталась без внешней помощи, но и лишается внутренних источников поступления бюджета, которых и тогда не хватало, а с учетом сложившейся обстановки их объем сократился и продолжает движение в сторону уменьшения. До этого несколько сотен тысяч жителей получали зарплату из бюджета. Их численность на 2020 г. составляла 414,9 тыс. человек, из которых 257 тыс. приходились на долю министерство образования, а расходы национального бюджета на эту сферу – 9%⁶. Отметим, что в 2020 г. фонд заработной платы в бюджетной сфере составлял 205,8 млрд афгани, а доходы бюджета от внутренних источников – 177,8 млрд что на 14% меньше⁷. Эти доходы состояли из прямых налогов (47%), неналоговых поступлений (23%), таможенных пошлин (19%), прочих поступлений (11%). На долю центрального региона приходилось 50% всех внутренних доходов, Герата – 11,7, Балх – 9,8, Нангархар – 8,8, Кандагар – 5,1%⁸. Иными словами, около 86% внутренних поступлений приходились на долю пяти провинций с крупными городами. Судя по сегодняшней ситуации, можно себе представить, насколько сократились поступления в этих и других провинциях. На сегодня собрать необходимую сумму для расчета по зарплатам не представляется возможным. Без средств к существованию остались не только работавшая в бюджетной сфере часть населения, семьи бывших военнослужащих, сотрудников полиции (293,3 тыс. человек по состоянию на 2019 г.⁹), но и занятые в частном секторе, поскольку с одной стороны происходит спад уровня производства товаров и услуг (из-за нехватки сырья), с другой, многократно снизилась покупательная способность населения.

За последние 20 лет расширение внутреннего потребительского спроса произошло вследствие внешнего вливания денег в афганскую экономику в виде финансирования проектов развития, гуманитарной и экономической помощи, выплат по зарплатам армии и полиции, частных инвестиций. Присутствие иностранных войск служило хорошим источником доходов определенной части населения как в форме прямого найма, так и формирования новых рабочих мест путем создания вспомогательных сегментов, обслуживавшие иностранных войск. Усугубление социально-экономического кризиса создает большие проблемы для нового правительства, усилить внутреннее давление. Выполнение условий мирового

⁵ <https://khabarnama.net/blog/2021/05/22/وضعیت-اقتصادی-افغانستان،-خروج-نظامیا>.

⁶ Afghanistan Statistical Yearbook 2020 (first Version). P. 27.

⁷ Ibid. P. 253.

⁸ Ibid. P. 260, 262.

⁹ https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/08/FP_20200825_afghanistan_index.pdf.

сообщества относительно создания инклюзивного правительства, соблюдения прав человека, отказа от ограничений по гендерному и этно-конфессиональному признакам, отмены непопулярных норм и методов правления государством могут частично открыть двери перед афганской экономикой. Необходимо подчеркнуть, что отдельные страны и так в небольших объемах продолжают оказывать материальную поддержку, но на фоне существующих проблем она не будет ощутимой.

Отток населения за последние годы находился на высоком уровне, но после захвата талибами Кабула он принял массовый характер. Особо следует подчеркнуть уход людей с высшим образованием, специалистов с техническими знаниями, что может иметь негативные последствия для работы новых властей. Массовая миграция на фоне прихода к власти талибов имеет несколько причин. Одна часть населения, работавшая на иностранные компании и армию, покидает страну в силу страха перед боевиками, другая (особенно при эвакуации из Кабула воздушным путем) решила воспользоваться удобным случаем выехать за границу в поисках лучшей жизни, третья, а это подавляющая часть – опасается экономического и продовольственного кризиса, который, вероятно ожесточится до конца года. Иранские источники сообщают об ежедневном прибытии из Ирана через Ислам-кала в афганский Герат до 1,5 тыс. недавно убежавших от талибов беженцев. Среди главных причин возвращения называются стабилизация политической обстановки, надежды на мирную жизнь¹⁰.

Перспективы Афганистана в сложившихся условиях в первую очередь будут зависеть от развития экономической ситуации в стране, точнее материальной помощи со стороны мирового сообщества, поскольку внутренними ресурсами страна просто не располагает. На какие источники в возникшей ситуации рассчитывают талибы, пока не известно, но еще больше осложнений могут приносить предпринимаемые ими реформы всех сторон афганской жизни. Они создают препятствия на пути возобновления работы министерств и ведомств, организаций и учреждений. Учебный год, например, в полном объеме до сих пор не начался, а введение новых правил может в разы ухудшить качество работы образовательной системы. Прекращается и работа компаний и учреждений, работавших на коммерческой основе, или за счет грантов. В стране уже закрылись около 153 СМИ, что отчасти произошло из-за отсутствия средств для дальнейшей работы, часть из них переформатировались, работают только в цифровом формате. Безработица вынуждает жителей Кабула выставлять на продажу предметы домашнего обихода, а стоимость недвижимости в столичном регионе упала на 50%. Всемирная организация здравоохранения оценивает систему афганского здравоохранения как близкой к коллапсу, и в связи с этим ООН в срочном порядке выделяет 45 млн долл. для поддержания этой области.

¹⁰ <https://www.mashreghnews.ir/news/1275794/بازگشت-روزانه-یک-هزار-و-۵۰۰-مهاجر-از-ایران-به-افغانستان>

Приостановка деятельности банковской системы уже привела к кризису в финансовой сфере, росту цен, обесцениванию афгани, спаду объемов внутренней и внешней торговли, негативно сказывается на работу местных производителей, снизила уровень доверия населения к банковской системе. Центральный банк еще в середине августа заявил об истощении своих валютных резервов. В этих условиях Пакистан предложил использовать при осуществлении двухсторонних торговых операций пакистанский рупий, но талибы категорически отвергли такое предложение, объявив, что афгани будет единственной валютой, циркулирующей на территории страны.

Экстренная гуманитарная помощь способна стабилизировать обстановку, но к началу следующего года понадобится и экономическая поддержка аграрному сектору при начале посевов. Афганистана располагает месторождениями полезных ископаемых, запасы которых американской геологической компанией оценивались в 1–3 трлн долл., но для их освоения, во-первых, требуется достаточное время, во-вторых, что еще важнее, ресурсы. Освоение железной руды, меди, лития и т.д., с учетом рельефа местности и имеющейся транспортной и энергетической инфраструктуры требует достаточно много денежных и временных затрат. Поэтому, для получения более быстрого эффекта, первым делом основное внимание необходимо будет обратить на восстановление и развитию аграрного сектора.

Многие страны мира по разным каналам и на разных уровнях контактируют с созданным талибами временным правительством, а генеральный секретарь ООН призывал мировое сообщество к более тесному сотрудничеству для решения гуманитарного кризиса. Такие страны как Катар, Пакистан, ОАЭ, Узбекистан, Иран уже начали воздушным и наземным путями поставлять медикаменты и другие товары первой необходимости в качестве гуманитарной помощи. В целом пока ни одна из стран официально не заявила о желании участвовать в восстановлении афганской экономики или инвестировать туда средства. Самый потенциальный кандидат на это Китай, судя по последним заявлениям, не совсем с этим торопится, а министр иностранных дел страны на полях саммита ШОС в Душанбе заявил, что Китай, Россия, Иран и Пакистан «должны вместе с другими государствами с аналогичными взглядами побудить США усвоить урок, взять на себя ответственность за восстановление Афганистана, оказать ему экономическую и гуманитарную помощь»¹¹. Первая обещанная китайской стороной помощь властям талибов в 15 млн долл. состоит из медикаментов и продовольствия.

На сегодня, по данным ООН жители 27 из 34 афганских провинций находятся в пределах порога острого недоедания, а 10 – сталкиваются с критической продовольственной ситуацией. ЮНИСЕФ, в частности, сообщает

¹¹ <https://tj.sputniknews.ru/20210917/usa-dolzhen-vzyat-otvetstvennost-vosstanovlenie-afganistan-1042321817.html>

о 10 млн детей, нуждающихся в гуманитарную помощь. Последствия засухи и политической нестабильности, приведшие к острому кризису, а именно нехватке продовольствия, являются частью возникшего общего кризиса. Единственная помощь, способная спасти ситуацию, ожидается по линии ООН. Необходимая сумма для оказания гуманитарной помощи на период до конца текущего года организацией оценивается в 606 млн долл. Учитывая сложную обстановку Афганистана, программа выходит далеко за рамки гуманитарной миссии и собирается охватывать все жизненно важные сферы, столкнувшиеся с кризисом. Она включает как продовольственную помощь, так и экономическую поддержку сельского населения. Из требуемой суммы только 270 млн (45%) непосредственно планируют направить на поставки жизненно важных продуктов питания, прочих средств к существованию, содействия земледельцам при ранних весенних посевах на богарных землях, поддержку животноводства и связанных с этими иными мероприятия. Примерно по 66 млн на социальные нужды, включающие услуги в области здравоохранения, в первую очередь здоровье матери и ребенка, борьбу с COVID-19, обеспечения доступа к чистой питьевой воде путем проведения ремонтных работ на действующих и введения в строй новых водных источников, санитарных сооружений. На лечение тяжелой и средней степени острого недоедания предусмотрено 56,3 млн 45,3 млн – для обеспечения уязвимых групп населения индивидуальной защитой, поддержкой детей, разминирования, обучения, юридических консультаций. На экстренной помощи, ремонта и восстановления жилья, субсидий на аренду жилья и иных видов помощи в зимний сезон собираются выделить 35 млн долл., а 12,7 млн направят на обеспечение доступа детям к образованию созданием временных учебных пространств, обучению учителей методам оказания первой психологической помощи, выплат по зарплатам преподавателей и других важных функций¹².

В рамках этих инициатив 13 сентября под эгидой ООН состоялась первая в новых реалиях международная конференция по Афганистану с участием представителей 40 стран мира с целью сбора необходимой суммы. По ее итогам участники обещали сумму свыше 1,1 млрд долл., то есть в два раза больше, чем требовалось. В частности, США выделяют 64 млн долл., Франция – 100 млн евро, Италия – 75, Нидерланды 20 млн евро. Это позитивный сигнал, поскольку такая помощь может служить спасательным кругом, о котором говорил генеральный секретарь ООН, не только для афганского народа, но и властей талибов. Но не следует забывать, что это пока только обещания и пока трудно сказать, когда дело дойдет до практических шагов, а ситуация с каждым днем может ухудшаться. Следовательно, своевременное поступление и целенаправленное использование обещанной суммы может на некоторое время несколько снизить масштаб кризиса. В сложившихся обстоятельствах развитие отношений большинства стран мира

¹² Там же

будут целиком и полностью зависеть от методов управления и успехов внутренней политики талибов. Пока власти в целом двигаются в сторону ужесточения системы государственного управления, правил и норм поведения, но в северных регионах их действия кажутся более умеренными, чем на юге и востоке страны. Разногласия среди членов руководства талибов имеют место и могут обостриться в случае неспособности временного правительства справиться со стоящими перед ним задачами, связанными с решением обострившегося продовольственного и социально-экономического кризиса. Решение экстренных гуманитарных проблем поможет талибам некоторое время стабильно управлять страной, а в случае усугубления ситуации, им придется ужесточить механизмы внутренней политики, что может привести к еще большему оттоку населения в соседние и другие страны, усилению недовольства, волнений и, возможно, новому витку гражданской войны.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Окимбеков Убайд Вафабекович – к. э. н., Okimbekov Ubaid – PhD (Economy), Senior
старший научный сотрудник ИВ РАН, Мо- Researcher, IOS RAS, Moscow, Russia.
сква, Россия.

Original article

DOI: 10.31696/2227-5568-2021-03-046-071

RUSSIA AND THE NORTHEAST ASIA NUCLEAR WEAPON FREE ZONE PROSPECTS: THE NORTH KOREA CHALLENGE

Vladimir Sotnikov^a

a – IOS RAS, Moscow, Russia

a – sotnikov.vladimir@gmail.com. ORCID: 000-002-86655-3517

Abstract. This article examines Russia's larger interests in Northeast Asia, which are shaped by economic developments in the Russian Far East and the Siberia region which are intertwined with the Korean nuclear and missile program challenge. It scrutinizes recent developments in Russia-North Korea relations, focusing on Russia's perception and its efforts in resolving the Korean nuclear program crisis. The paper emphasizes that Russian strategy towards the denuclearization of the Korean Peninsula and the creation of NEA NWFZ are closely linked to the deployment of THAAD in South Korea. It also highlights the active role of Russia in the United Nations for the peaceful resolution of the Korea crisis and the implementation of sanctions against North Korea.

Keywords: North Korea, Nuclear Weapons Free Zones, Northeast Asia, nuclear weapons, regional peace, Korean Peninsula, Russia, USA

Научная статья

РОССИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ БЕЗЪЯДЕРНОЙ ЗОНЫ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ ВЫЗОВ

Сотников Владимир Иванович^a

a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

a – sotnikov.vladimir@gmail.com. ORCID: 000-002-86655-3517

Аннотация. В данной статье исследуются более широкие интересы России в Северо-Восточной Азии, которые сформированы экономическим развитием российского Дальнего Востока и региона Сибири, и которые переплетаются с проблемами корейской ядерной и ракетной программ. В ней исследуются последние события в отношениях между Россией и Северной Кореей, при этом уделяется особое внимание отношению России к кризису вокруг ядерной программы Северной Кореи и её усилиям по его разрешению. В статье особо отмечается, что российская стратегия денуклеаризации Корейского полуострова и создание ЗСЯО в США тесно связаны с размещением ТНААД в Южной Корее. Статья также раскрывает активную роль России в ООН в деле мирного урегулирования корейского кризиса и применении санкций против Северной Кореи.

Ключевые слова: Северная Корея, зоны, свободные от ядерного оружия, Северо-Восточная Азия, ядерное оружие, региональный мир, Корейский полуостров, Россия, США, ТНААД

Foreword

The emergence of a North Korea possessing nuclear weapons is a serious blow to international non-proliferation efforts which undermine regional peace and stability and is causing security concerns around the world. It also poses a serious national security challenge for the US and its regional allies in Northeast Asia. Russia, which borders North Korea, would be affected in case of a large scale war in the region. North Korean leadership thinks that the possession of nuclear weapons is the sole means to guarantee its existence. Pyongyang believes that the presence of US military bases in South Korea and Japan as well as the regular military exercises with South Korean military in the region are a threat to the existence of North Korea. The advancement of North Korea's nuclear weapons and missile program has intensified debate among the major powers of the region, including Russia, China, and the U. S. Due to historical reasons, the Korean Peninsula is still under the shadow of the Cold War mind-set. The major stakeholders in the Korean Peninsula issues have different views on North Korea's nonproliferation, and achieving the goal of complete denuclearization remains a major challenge.

North Korean leader Kim Jong Un declared voluntary moratorium on testing nuclear weapons and long-range ballistic missiles in 2018 and started unprecedented diplomatic activities. However, the U.S.-DPRK dialogue and numerous summits yielded no results and expectations for settlement of the Korean Peninsula crisis were never met. After almost a year and a half break the DPRK tested a number of new and previously developed weapon systems including: KN-23 missiles (so-called «Kimslanders» in media, by analogy with Russian Iskander systems with quasi-ballistic SRBMs); KN-24 having some similarities with army tactical missile system (ATACMS); Pukguksong-3 submarine-launched ballistic missiles (SLBM) etc. Moreover, last December Kim Jong Un said his country no longer felt bound by its self-imposed moratorium and promised to demonstrate a new strategic weapon. North Koreans conducted static test of what some observers called solid-fuel engine for ICBM last December. At the same time there was no flight test of ICBM or IRBM so far. Despite the rhetoric the DPRK have not yet resumed nuclear and ICBM tests that used to provoke the most negative reactions by the international community. However, it does not mean that the DPRK is ready to abandon its nuclear and missile program [1].

Unlike the U.S., the Russian Federation favors a more balanced approach, which not only relies on restrictions and pressure against Pyongyang but urges that the North Korean nuclear issue must be settled exclusively through negotiations. The Russian government does not accept North Korea's nuclear status. The Russian Ambassador to the United Nations, Vassily A. Nebenzia, has maintained that 'Russia does not accept the Democratic People's Republic of Korea's claim to become a nuclear State and has supported all Security Council Resolutions demanding an end to the nuclear and missile programs of Pyongyang, with a view to the denuclearization of the Korean Peninsula.' [2].

The idea of creating of Nuclear Weapon Free Zone in Northeast Asia (NEA NWFZ) which has not materialized so far is an important instrument of maintaining the nuclear security in the Korean Peninsula. The official Russian position is of the total support of this instrument as Russia has been vocal in promoting the establishment of NWZs in other parts of the world ever since they came to be existing. According to the Russian Foreign Ministry experts on nonproliferation and arms control, the only precondition for the establishment of such a zone is that the presumed participating states (both Koreas, Japan, and others) should assume their obligations to abandon their non-peaceful nuclear activities such as acquiring the nuclear weapons and in their turn the official five nuclear-weapon states should give the so-called negative nuclear assurances to the stakeholders of NEA NWFZ [3].

This article examines Russia's larger interests in Northeast Asia, which are shaped by economic developments in the Russian Far East and the Siberia region which are intertwined with the Korean nuclear and missile program challenge. It scrutinizes recent developments in Russia-North Korea relations, focusing on Russia's perception and its efforts in resolving the Korean nuclear program crisis. The paper emphasizes that Russian strategy towards the denuclearization of the Korean Peninsula and the creation of NEA NWFZ are closely linked to the deployment of THAAD in South Korea. It also highlights the active role of Russia in the United Nations for the peaceful resolution of the Korea crisis and the implementation of sanctions against North Korea.

Russia's Korean policy

Russia's policy towards Korean Peninsula is intertwined with its economic, political, and strategic motives in the region. Russia's policy toward North Korea is an important component of its general strategy towards Northeast Asia, which is now regarded by Moscow as a crucially important area. For example, The Fourth Eastern Economic Forum, held in Vladivostok on September 11–13, 2018, played a significant role in bringing peace and stability to the Korean Peninsula by integrating Northeast Asia and the Russian regions of the Far East and Siberia into regional economic projects with neighbors. Addressing the session, Russian President Vladimir Putin emphasized the importance of three-way cooperation between Russia, South Korea, and North Korea. He stated that, «I cannot fail but to highlight once again trilateral projects in infrastructure, energy and other spheres involving Russia, the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea. Normalizing the situation around the Korean Peninsula is a key prerequisite for achieving progress on these projects» [4].

Earlier, in 2018, during his visit to North Korea, the Russian Foreign Minister Sergey Lavrov also pointed to the economic initiatives concerning trilateral projects involving the two Koreas and Russia in unifying railways, building a gas pipeline, and also in the electric power industry. He stated that, «We discussed certain steps that can be made towards this, including the old idea of launching

trilateral projects between the two Korean states and Russia to link their railway networks and to build a gas pipeline as well as energy projects» [5]. In the last decade, Russia has labored hard towards entering Northeast Asia which is becoming the new center of world politics and economy. This region offers the greatest potential for Russian energy export from the Russian Far East and Siberia region. However, these energy resources largely remain unexploited because of the absence of pipeline infrastructure. After the accomplishment of a liquefied natural gas (LNG) plant in Sakhalin in 2009, Russia has entered the Northeast Asian gas markets. In order to export these resources, Russia needs an ice-free port in the Russian Far East and quite recently has shown its interest in the North Korean port of Najin, situated in the remote north eastern corner of Korean Peninsula and which, unlike Vladivostok, is ice free [6].

As part of this approach, Russia aims to significantly expand its political and economic ties with its eastern neighbors, such as China, Japan, and the two Korean states. However, the instability on the Korean Peninsula is an important obstacle to the realization of Russia's strategic program to develop its economic role in Northeast Asia. Therefore, the Russian scholar Andrey Gubin has argued that «Russia is still interested in [the] implementation of Trans-Korean projects within the framework of its new oriental diplomacy, joined with Chinese 'One Belt–One Road' plan and probably Korean 'Eurasian Initiative» [7]. Another report presented in Russian International Affairs Council (RIAC), Moscow, experts from both Russia and South Korea have pronounced that, «Normalization of the inter-Korean relations would undoubtedly be facilitated by putting the following large Russian–South Korean–North Korean partnership projects into practice: the international rail corridor from Europe to Korea, the construction of a Russia–North Korea–South Korea gas pipeline, and the creation of a unified energy system in Northeast Asia, which includes regions in East Siberia and the Russian Far East» [8].

However, academics in Russia have both complementary and contrasting perspectives on this issue. Most of the analysts prefer the need for greater cooperation among Russia and its neighboring countries in the region. The Russian scholar Maxim Suchkov from the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), has put forward that «increasing cooperation with all states in the region is in the framework of what is deemed as Russia's «strategic pivot to Asia» and constitutes one of the reasons for Moscow's interest in engaging North Korea» [7]. Artyom Lukin contends that Russia is unlikely to become a major political player on the Korean Peninsula without possessing the necessary economic influence. He mentions that Russia is the major participant in three major economic projects. The most important is the laying out gas pipeline from Russia to South Korea via the North Korea. The second group of projects involve the export of Russian electricity to the Korean Peninsula. The third group of projects is the connectivity, to connect the Trans-Korean Railway to the Russian Trans-Siberian Railway [9].

Nonetheless, the perpetuation of North Korea's nuclear program further complicated the situation in Northeast Asia. Thus, Andrey Gubin argues

that «feasible economic and investment activity is possible only after [the] normalization of North Korea's political behavior» [10]. Likewise, prominent Russian expert Fyodor Lukyanov has also stated that, «Any peaceful settlement on the Korean Peninsula would benefit Russia, because peace will open up new opportunities for important economic projects vital for the region. These may include the construction of a gas pipeline from Siberia to South Korea and the extension of the Trans-Siberian Railway connecting Asia and Europe, all the way to the south of the Korean Peninsula» [11].

Besides pointing to security concerns, there is a common opinion that Russian officials are keen to reduce tensions on the Korean Peninsula and promote stability in the North to integrate Russia better into the prosperous East Asian region. They hope that closer ties with the Koreas and other Asian countries would facilitate Asian investment and technology transfers to Russia that would help modernize their economy and benefit Russian consumers and exporters [12]. Finally, Russian scholar Vladimir Nelidov has asserted that, «the issues of strategic balance in the region in general and the balance of military capabilities between Russia and the U.S. in particular are also of great importance from the point of view of the security situation in Northeast Asia. Therefore, only propelling the complete denuclearization of the Korean Peninsula could promote greater economic advantages to the Russian Far East and Siberia. Russia is the only major effective player in Northeast Asia that has a stable and deepening relationship with both Pyongyang and Seoul» [13].

Finally, regarding the relations between Russia and the People's Democratic Republic (North Korea) and the Republic of Korea (ROK), the new revised edition in section 89 of the «Concept of Russia's Foreign Policies» as of 2016 states that, «Russia is interested in maintaining traditionally friendly relations with the Democratic People's Republic of Korea and the Republic of Korea, and will seek to ease confrontation and de-escalate tension on the Korean Peninsula, as well as achieve reconciliation and facilitate intra-Korean cooperation by promoting political dialogue. Russia has always championed a non-nuclear status for the Korean Peninsula and will support its denuclearization in every possible way, believing that this objective can be attained through the six-party talks. The Russian Federation will keep up its efforts to establish a mechanism for maintaining peace and security in Northeast Asia, and will also strive to expand economic cooperation within the region» [14].

Perceptions on denuclearization of the Korean Peninsula

Historically, North Korea was one of the friendly states of the former Soviet Union, and had extensive economic, political, and military ties with it. The Soviet Union assisted North Korea in training specialists in the nuclear research field, and the two countries signed an agreement on cooperation in the peaceful use of nuclear energy in early 1950 and built nuclear reactor in North Korea. However,

later on, relying exclusively on their own efforts, North Korea modernized this reactor without the participation of Soviet experts [15].

As a result of growing ideological differences with both the Soviet Union and China in the 1960s, the North Korean leadership saw their traditional partners with growing suspicion and decided to pursue the development of a nuclear deterrent in order to secure the state and government from external interventions. Subsequently, in the 1970s, North Korean leader Kim Il Sun started working on the development of a domestic nuclear weapons program. In mid-2000s, North Korea announced that it had developed nuclear weapons for their self-defense and to strengthen its nuclear deterrent conducted six nuclear tests till 2017.

The Russian government advocates for North Korea returning to NPT. The current RF Ambassador to the United Nations, Vassily A. Nebenzia, stated that, «We call on the North Korean authorities to wind down their banned program and return as a non-nuclear State to the non-proliferation regime of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons and the control of the International Atomic Energy Agency» [16].

At the same time, the Russian policy-making elite and academics hold contradictory assessments regarding North Korea's nuclear program. There exist various scholarly schools of thought when defining Russian policy towards North Korea. The first school consists of activists and academics, sympathizers of the left parties and ultra-nationalists, including the Liberal Democratic Party of Russia (LDPR), which support the North Korean government and its policies, and put the blame on the alliance of U.S. and South Korea for instability in the region. Russia's Communist Party leader, Gennady Zyuganov, has condemned the U. S. President Donald Trump's statement at the UN General Assembly with a warning of totally destroying North Korea. Zyuganov called to pursue a diplomatic policy to solve the North Korean crisis. He stressed that «I fully support the efforts on searching for a peaceful solution taken by [Russian President Vladimir] Putin and [Chinese President] Xi Jinping and many responsible politicians.» [17]. During a meeting with the Minister Plenipotentiary at the North Korean Embassy to Russia, the LDPR leader, Vladimir Zhirinovskiy, expressed his solidarity with the people and the leadership of North Korea. Zhirinovskiy has asserted that, «We are glad that there is such a country as North Korea on the Asian continent, and it is your country that the U.S. is afraid of. We request to convey our profound solidarity to the North Korean leadership; we are with you these days. If necessary, deputies of the LDPR factions will come to Pyongyang and will stay there with the people of North Korea.» [18].

The second group comprising Russian scholars as well as leading policymakers believe that nuclear weapons are a 'powerful deterrent' which guarantee North Korea's sovereignty; however, they also compel North Korea to follow the UNSC sanctions. The Russian Foreign Minister, Lavrov, has argued that «they will not attack North Korea because they know without a doubt that the country has a nuclear bomb» [19]. Correspondingly, while answering the questions of Russian

journalists following his visit to China to take part in the BRICS Summit, President Putin stressed that, «...we cannot forget about what I just said about Iraq, and what happened later in Libya. Certainly, the North Koreans will not forget it. What can ensure security? The restoration of international law. We need to advance towards dialogue between all parties concerned.» [20].

Therefore, addressing the general debate within the 72nd session of the UN General Assembly, Mikhail Ulyanov, then Director of the Russian Foreign Ministry Department for Non-Proliferation and Arms Control (DNKV), stated that, «Just like other countries, we strongly condemn Pyongyang's nuclear tests and ballistic missile launches in violation of the UN Security Council resolution. We supported the latest sanctions imposed by the UN Security Council. However, the sanctions are not a cure-all» [21].

A major section of Russian scholars agree with these perspectives. Russian scholar Artyom Lukin, Assistant Professor at the School of Regional and International Studies of the Far Eastern Federal University, is also of the opinion that, North Korea is driven by the basic instinct of survival in the face of actual and imaginary threats on the part of the U.S. and South Korea. The only way for Pyongyang to safeguard itself against its external enemies and preserve sovereignty is to have nuclear weapons» [22]. Additionally, prominent Russian expert on Korean policies Georgy Toloraya believes that, «DPRK's nuclear weapons are a deterrent. After Yugoslavia, Iraq, and Libya, one can hardly expect the leaders of the Pyongyang regime to sit on their hands and wait to be 'democratized.' The North Koreans make this very clear, saying that 'when a pack of wolves attacks you, only a fool lowers his gun.» [23]. This trend is the most dominant and influential in the Russian domestic political sphere.

The third group of Russian experts and academics blamed the North Korean leaderships for the critical situations in the region. For instance, Russian – American Russian scholar Andrew Korybko argues that, «In the Northeast Asian context, North Korea's missile and nuclear tests are creating the pretext to 'justify' the U.S.'s THAAD deployment to the peninsula, which both Russia and China consider as a latent threat to their nuclear second-strike capabilities with time, so from their perspective, it makes sense why they'd want to put multilateral pressure on North Korea to end these destabilizing activities.» [24].

Equally, a Russian expert on Asian policies, Alexander Gabuev of Moscow Carnegie Endowment Center highlights that, «These developments have negative consequences for Russian security interests, because they give the United States a legitimate pretext to develop its military infrastructure in and around the Korean Peninsula, including the recent deployment of THAAD. This is the major reason why Moscow continues its efforts with other members of the international community to limit DPRK missile and nuclear capabilities» [25].

In resume, we can conclude that the conventional view in Russia is that the North Korean nuclear and missile program in itself does not pose a serious challenge for the security of the Russian Federation, particularly in the Far East

region. The major problem it creates for Russia is perceived in its destabilizing implications provoking the increase of U.S. military presence in the region, overall military build-up of competing regional powers, and an impetus for their nuclear ambitions.

Attitude to the U.S. deployment of THAAD

South Korea and the U.S. agreed on the deployment of the Terminal High-Altitude Area Defense (THAAD) systems in South Korea in 2016, after North Korea conducted its fourth nuclear weapon test and a satellite launch. Russia alleged that the North Korean missile threat was used as a pretext by the U.S. for deploying THAAD systems adjacent to the borders of Russia and China. Russian policymakers perceive the THAAD deployment in South Korea as part of a larger vision of U.S.'s 'pivot' to the Asia-Pacific. It expands the already substantial network of missile defense systems encircling China and Russia. Leonid Slutsky, the Head of the State Duma's International Affairs Committee, warned that the deployment of THAAD in South Korea to counter North Korea may endanger Russia's security. According to him, «Washington is creating a new regional segment of the U.S. global missile defence system in Northeastern Asia, close to the Russian border. This may put the security of our country at risk.» [26]. In the same way, Vassily A. Nebenzia considers this deployment as «An additional destabilizing factor in the region... We have repeatedly stated that such moves are not only an irritant but undermine the military balance in the region generally, and jeopardize the security of neighboring states.» [27].

According to Professor Tolstokulakov of the Far Eastern Federal University in Vladivostok, «it is the arms race in Northeast Asia fuelled by the U.S. following the deployment of THAAD...which is the main challenge in the region rather than the North Korean nuclear program.» [28]. Correspondingly, Anastasia Barannikova has blamed the U.S. for making the Korean Peninsula a nuclear zone. She asserted that, «US tactical nuclear weapons in South Korea [withdrawn in 1991], the inclusion of nuclear weapons in joint exercises, and the nuclear umbrella guarantee extended to South Korea [are responsible for this]... As no country [has] ever offered the same guarantees to North Korea, it [has] decided to develop its own weapons» [29].

In this situation, Russia has taken the positions similar to China against THAAD's deployment in the Korean Peninsula saying that this could further worsen the situation around in the Peninsula. Russian Foreign Minister, Sergey Lavrov, also raised concerns, stating that the potential of the US anti-missile complex, which includes the «THAAD systems, is definitely of concern to our strategic forces and is having a negative effect on the security of not just Russia but also China and other countries. This is why we have been acting against the Pentagon's dangerous plans jointly with our Chinese partners» [30].

The Press Statement released by Deputy Foreign Minister of Russia, Igor Morgulov and Assistant Foreign Minister of China, Kong Xuanyou, after the Russia-China Dialogue on Security in Northeast Asia in May 2017 highlighted the developments on the Korean Peninsula and in Northeast Asia, and expressed mutual concern with the serious deterioration of the situation in the region following Pyongyang's continued pursuit of its missile and nuclear programs, and also the disproportionate military action of the United States and its allies, including the deployment of THAAD missile defense systems on South Korean territory [31].

However, the deployment of THAAD system does seem to pose some threat to Russia which compelled both Russia and China to move closer on the issue in the region.

Position on the UNSC sanctions on North Korea

The UNSC has passed several resolutions condemning North Korea's nuclear activities. The UNSC has passed a number of resolutions since North Korea's first nuclear test. The Resolution 1718 passed in 2006 demanded that North Korea to stop further nuclear testing, and prohibited some military supplies and luxury goods export to North Korea. It highlighted that, «All Member States shall prevent the direct or indirect supply, sale or transfer to the DPRK, through their territories or by their nationals, or using their flag vessels or aircraft, and whether or not originating in their territories, of any battle tanks, armored combat vehicles, large caliber artillery systems, combat aircraft, attack helicopters, warships, missiles or missile systems as defined for the purpose of the United Nations Register on Conventional Arms» [32].

The United States has disagreed with Russia and China several times during the debate at the United Nations over their demand for the easing of sanctions against North Korea. Russian diplomats pointed that it would be impossible to settle the nuclear issue on the Korean Peninsula through sanctions and pressure on Pyongyang alone. Sanctions should not be used to strangle the Democratic People's Republic of Korea economically or worsen its humanitarian situation. That applies especially to unilateral restrictions, which affect civilian sectors that have nothing to do with the country's nuclear-missile programs and are one reason for the serious deterioration in the population's living conditions.

Despite their support for the resolution via an affirmative vote, Russia and China have openly questioned the effectiveness of economic sanctions on North Korea. Furthermore, Russia has stressed several times the need in concrete initiatives by the UN to resolve the crisis, rather than tightening sanctions on North Korea. In Russia's view, the solution to the Korean Peninsula's nuclear issue cannot be complete unless sanctions against Pyongyang are lifted. Addressing the 72nd session of the UN General Assembly within the General Debate, Mikhail Ulyanov, Director of the Russian Foreign Ministry Department on Non-Proliferation and

Arms Control, stated that Russia supported the latest sanctions imposed by the UN Security Council. However, the sanctions are not a cure-all. The problem can be resolved only politically and diplomatically. The pressure can only be successful if it is backed by active diplomacy and a creative search for effective solutions. Likewise, Russian Foreign Minister, Sergey Lavrov, echoed the same idea after talks with his North Korean counterpart Ri Yongho: «We assume that a complete resolution cannot be achieved until all the sanctions are lifted. It is up to the negotiators to make this happen, but in any case it would be impossible to achieve this in a single round. The same applies to denuclearization. For this reason, this should be a step-by-step process with reciprocal moves at each of the stages» [33].

In the same way, the Russian scholar, Alexander Gabuev, has argued that, «sanctions do not provide an ultimate solution to the DPRK missile and nuclear problems. Pyongyang will try to secure the possession of nuclear-capable ICBMs, and the international community has no real tools to prevent it since military tools are not applicable, and since China and Russia will not support crippling sanctions on the DPRK that would enable internal regime change» [34].

As a replacement which moved beyond sanctions, Russian diplomats said that they had placed an alternative solution. They proposed a reasonable and realistic alternative to the ultimatum logic of the sanctions, which has proved unworkable time and again. The alternative consisted in the following: beginning implementation of not just the sanctions-related parts of the aforementioned resolutions of the Security Council, but also those of the provisions calling for a peaceful political and diplomatic settlement of the nuclear issue on the Korean Peninsula through dialogue and negotiations [35].

Hence, there exists a level of consensus among Russia and China within the UNSC Korean crisis. The only solution to currently dormant Korean Peninsula crisis is applying new approaches.

Position on the NEA NWFZ

Russia's official position on the NEA NWFZ is that in general, Russia wholly supports the creation and establishment of nuclear weapons free zones anywhere in the world and contends that the NEA NWFZ is a very important step towards denuclearized Korean Peninsula. In this regard, Anasstassia Barannikova states that «establishing a Northeast Asian Nuclear Weapon Free Zone (NEA NWFZ) is one of the approaches» to Korean crisis. This mechanism in its initial format assumes that nuclear weapon states – China, Russia and the U.S. will provide negative security assurances to DPRK, Japan, and ROK, which, in turn will undertake obligations to stay non-nuclear. However, today implementation of this idea in its initial format is impossible given the current stance and status of the DPRK [36].

Since the DPRK is a nuclear power and this status is a long-term if not eternal, it should be dealt with as a nuclear power. Prior to any talks about denuclearization new status of the DPRK should be recognized. All talks with this country should

be not about its unilateral disarmament, which is unacceptable and impossible demand. More feasible is negotiating a kind of treaty or agreement on limitation of missiles.

The DPRK status is not the only problem from the point of NEA NWFZ. ROK and Japan cannot be considered non-nuclear states since they have the guarantee of USA's «nuclear umbrella». Ideally, either ROK should abandon US «nuclear umbrella» guarantees or DPRK should be provided such assurances (say, by Russia or China).

In this regard Barannikova suggests that, «The idea of a NWFZ could initiate the creation of a new regional security mechanism in NEA. However, mechanism implying DPRK's participation as a nuclear state seems more realistic. Yes, it would require official recognition of its status. However, it would result in non-aggression guarantees from the DPRK to non-nuclear countries. It alone could significantly reduce tensions in the region and risks of further nuclear proliferation. DPRK's negative security assurances to non-nuclear ROK and Japan would eliminate any threats to these countries, even hypothetical. Another point is that NWFZ would be more efficient in the format 4+3 (nuclear RF, PRC, US and DPRK + non-nuclear ROK, Japan and Mongolia). Mongolia's declared itself a single-state NWFZ in September of 1992. Its unique status and experience could facilitate creation of bigger NWFZ in NEA» [37].

According to Russian expert from Russian Foreign Ministry, there should be used the experience gained from creating of NWFZs in other parts of the world, especially in South –East Asia and also the experience of Mongolia who declared itself a single-state NWFZ. And in this regard there should be taken into consideration that some potential participants of the NEA NWFZ, namely Japan and ROK may have reservations or even object to including North Korea as a non-nuclear weapons state (NNWS) into the NEA NWFZ, rather it should be treated as a nuclear –weapons state (NWS) and therefore it should undertake obligations as a NWS.[38] As Russian scholar Alexander Zhebin of Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Science, Moscow, states that, «Under such circumstances, given the constant rivalry between Pyongyang and Seoul and their unwillingness to yield to each other, the missile programs of North and South Korea should have approximately the same limitations, for which it is advisable to consider the DPRK accession to the international missile technology control regime (MTCR)[39]. And Barannikova concludes that, «Unlike previous decades, when the DPRK was an «object» at the negotiations on its nuclear weapons, the only option which could seem attractive for North Korea now would be multilateral treaty to include all the countries having nuclear and/or strategic weapons on equal basis. But it is the matter of future. Joining any treaty or mechanism would imply putting North Korean nuclear potential under control which is currently not in interests of the DPRK. It has not yet finished creating reliable nuclear deterrent. Moreover, if the US and Russia fail to prolongate Strategic Arms Reduction Treaty and another

arms race in the region will start, North Korea will be forced to join this race as any other regional power» [40].

Finally, reviewing Russia's position on nuclear issue in the Korean Peninsula it seems appropriate to cite the words of Russian Foreign Minister Sergei Lavrov which he said in his speech at the Moscow International Conference on Non-Proliferation on November, 8, 2019. He said that, «The settlement of the nuclear issue of the Korean Peninsula (YPCP) is possible exclusively by diplomatic methods on the basis of a dialogue between all interested countries. A full-fledged launch of the process of denuclearization of the Korean Peninsula will become real only if political negotiations are advanced on the basis of reciprocal steps of the directly involved parties. Specific proposals on how to effectively move towards this goal were formulated by Russia and China, first in the road map, and now in the Action Plan, which we are completing to coordinate with the six members» [41].

Finally we may conclude our research by the words of Alexander Zhebin who argued that, «Taking into consideration the experience of establishing of the NWFZ in other parts of the world and several attempts to discuss the issue for NEA at the Track 2 undertaken by scholars from various countries, there is no doubt that we are bound to face a long windy road to nuclear-free and peaceful NEA» [42].

Russia in Six-Party talks and new Russia-China initiatives

Russia professed that peace and stability on the Korean Peninsula is possible only through cooperation and coordination with both Korean governments. Russia proposes the diplomacy and consultations the best way to resolve the North Korean nuclear issue. As the Russian expert on the Asia-Pacific, Alexander Lukin, has said, «Russia is interested in the security of its borders, consequently in the political stability of both Korean states. Any war or loss of control on developments in the peninsula, in consideration of the presence in North Korea of nuclear weapons, could easily directly affect the adjoining Russian territory, capable of causing casualties, an ecological catastrophe, a flood of refugees, and other dangerous consequences [43].

The main purpose of the Six-Party Talks was based on dismantling North Korea's nuclear program launched in 2003. The Six-Party Talks were a sequence of multilateral meetings involving all major regional actors including China, Japan, North Korea, the U.S., South Korea, and Russia. However, the process has been stalled over the years by North Korea's repeated missile and nuclear weapons tests. While answering Russian official Russia-24 news channel question in the meeting of Eastern Economic Forum in September 2018, President Putin argued that, «North Korea was promised security guarantees in exchange for its denuclearization efforts, as you have just pointed out. North Korea has taken certain steps to denuclearize – it blew up its nuclear test site, destroyed it, but it apparently expects something in return. We have the format of six-party talks.

And the international community can give such guarantees, including those secured by the presence of nuclear powers in these agreements. China and Russia are parties to these talks» [44].

Georgy Toloraya has noted that 'Russia would like to see multiparty security and cooperation systems emerge in Northeast Asia. The Six-Party Talks had provided a unique opportunity to try a multilateral approach to solving the thorny issues that plague the region.' [45]. Professor Igor Tolstokulakov of the Far Eastern Federal University of Russia has argued that sanctions would not work with North Korea and suggested closer cooperation between regional powers including China, Russia, the US, Japan, and South Korea in order to find peaceful and acceptable solution to Korean crisis which also require the active participation of from the side of Pyongyang [46].

However, it is only the Russian Federation which consistently promoted the Six-Party Talks at every forum and, to a certain extent, so did China; but other parties, such as the U.S., Japan, South Korea and, most importantly, North Korea, do not seem to be interested in reviving the process at this moment. This has also been acknowledged by the Russian Ambassador to North Korea, Alexander Matsegora. During an interview to the Russian News Channel in February 2018, he stated that the resumption of the Six-Party negotiations on the denuclearization of the Korean Peninsula is unlikely at the moment. But it is possible in the future [47].

Besides the Six-Party Talks, the Russian Federation has also put forward the idea of a phased approach to the settlement of the basic issues of the Korean Peninsula. Russia and China signed a joint statement in July 2017 in Moscow on the Korean Peninsula to coordinate efforts in finding a solution to the crisis, and achieving lasting peace and stability in Northeast Asia. The joint call came as a result of the meeting between the Chinese President Xi Jinping and the Russian President Vladimir Putin in Moscow. The Joint Declaration, signed on July 4, 2017 with reference to Korean Peninsula, reads as follows: «Our common foreign policy priorities include a comprehensive resolution of the Korean Peninsula issue with a view to ensuring peace and stability in Northeast Asia. We have agreed to actively promote our common initiative based on Russia's stage-by-stage plan for a Korean settlement and China's initiatives for a parallel freeze of nuclear missile activities in the DPRK and the large-scale military exercises by the United States and the Republic of Korea [48].

The Chinese Ambassador to the UN, Wu Haitao, welcomed this proposal and stated that, «The joint proposal of China and Russia is practical and feasible and is aimed at promoting the peaceful settlement of the nuclear issue of the Korean peninsula and the maintenance of peace and stability on the peninsula. As such, we hope that the proposal will elicit responses and support from the parties concerned» [49].

Regarding this joint initiative, Russian scholars Mikheev and Fedorovsky argue that, «It is also significant that the Russian-Chinese initiative was developed outside of the framework of preliminary consultations with Pyongyang, for which it was

also a surprise. Such a situation undoubtedly reduces the productivity of joint Russian-Chinese efforts to normalize the situation on the Korean Peninsula [50].

Moreover, peace and stability in Northeast Asia is possible only when appropriate measures are taken on denuclearization of North Korea and, at the same time, restraining large-scale joint exercises by the U.S. and the South Korea. Whatever may be the outline prepared by Russia and China, the main actors—such as the U.S. and North Korea—were not involved. Hence, its implementations does not seem feasible in the near future. Russia continues discussions with North Korea in both bilateral and tripartite (including China) formats. Deputy Foreign Minister of Russia Igor Morgulov, along with his Chinese and North Korean counterparts held talks in Moscow in October 2018 in which they insisted that the UNSC reverse its policy of anti-Pyongyang sanctions. This is the first time they have officially raised this issue in the format of a trilateral meeting. A joint communiqué released after the consultations in Moscow stated that, «Taking into account the important steps towards denuclearization made by the Democratic People's Republic of Korea, the sides believe the UN Security Council should start in due time revising the sanctions against the DPRK. There is general understanding that this process, the priority goal of which is to establish mutual trust, should be of a step-by-step and synchronized character and accompanied by reciprocal steps of the involved states»[51].

Russia recognizes the situation in the Korean Peninsula as one of the major global seats of tension, and has always campaigned a non-nuclear status for the Korean Peninsula, and pledged its support for denuclearization in every possible way.

Attitude to summit diplomacy and the way forward

The situation in the Korean Peninsula has changed since the inter-Korea Summits and the historic meeting between President Trump and Chairman Kim Jong-un. The Russian Foreign Ministry issued a press release stating that, «We welcome the successful holding of the meeting between the leaders of the two Korean states in Panmunjom on April 27. We regard it as a significant step by Seoul and Pyongyang to national reconciliation and the establishment of strong relationships of independent value. We have a positive view of the agreements enshrined in the Panmunjom Declaration on the results of the inter-Korean summit. We are ready to facilitate the establishment of practical cooperation between the DPRK and the Republic of Korea, including through the development of tripartite cooperation in the railway, electricity, gas and other industries [52].

In an answer to a question from TASS news agency regarding the non-mention of Russia in the declaration, the Russian Deputy Foreign Minister, Igor Morgulov, replied that, «Russia will not drop out of the process; on the contrary, it is determined to continue searching for solutions to all the problems of the Korean Peninsula in the most proactive manner. By the way, the Russian-Chinese roadmap for the Korean peace settlement, drafted in 2017 clearly sets out Russia's

position on this matter. This position implies that the process of signing a peace treaty that would replace the Armistice Agreement is solely the subject of bilateral relations between North and South Korea, and should be conducted by Pyongyang and Seoul. In fact, the Panmunjom Declaration reflects this approach. Russia has no legal grounds or motives to become a party to this treaty» [53].

Similarly, Moscow has always welcomed any steps aimed at the denuclearization of the Korean Peninsula. In a press release, the Foreign Ministry noted, «We welcome the talks of the Chairman of the DPRK State Council Kim Jong-un and US President Donald Trump on July 12 in Singapore. We proceed from the belief that the normalization of US-North Korean relations, a commitment to which is stated in the final joint statement, is an inalienable part of the comprehensive settlement of the Korean Peninsula issues, including the nuclear issue» [54].

The Vladivostok summit held on April 25, 2019 turned out to be the first face-to-face meeting between Russian President Vladimir Putin and North Korean leader Kim Jong-un. Both leaders thoroughly discussed bilateral relations and their prospects and dwelled on issues linked to the situation on the Korean Peninsula, in particular the denuclearization problem but there was no joint declaration. The meeting came two months after the unproductive summit in Hanoi in February 2019 between North Korean leader Kim Jong-un and US President Trump. Addressing at the official reception on behalf of the President of Russia, President Vladimir Putin reiterated that there is no alternative to resolving the Korean Peninsula issue through diplomatic means. He noted «We welcome DPRK's steps to establish direct dialogue with the United States and normalize relations between North and South Korea. We proceed from the premise that there is no alternative to a peaceful resolution of the nuclear and other problems in the region.» [55].

Russia has been one of the main actors on the Korean Peninsula. It continues to be a major partner in wide range of political, economic, and social links with North Korea. While criticizing North Korea for testing nuclear weapons, Russian government representatives have also questioned Western countries for their failure to address with reference to their previous promises to North Korea. Russia is the only major player in Northeast Asia that has a stable relationship with both Koreas. It has constantly and consistently appealed to the global community collectively to resolve the issue through dialogue and consultations. Russia anticipates that the positive tendencies, which have appeared recently in the ongoing negotiating process on regulating the situation on the Korean Peninsula, might gather momentum in the near future. With the new U. S. Administration of President Joseph Biden who earlier in his election campaign promised to significantly improve the relations between U.S. and North Korea and try to positively resolve the nuclear issue in the Korean Peninsula and in his first days in office opened the door to extending the New START agreement with Russia there is a glim of hope that the Korean nuclear crisis will be tackled in a positive way.

Challenges Russia sees in supporting the policy of establishing a NWFZ in NEA and Korea reunification initiatives

First, Russia has to thoroughly weigh the risky implications of eventual denuclearization process for political and socio-economic stability within the DPRK. The Russian expert and diplomatic community has long been convinced that the North Korean leadership in the foreseeable future will not give up nuclear weapons under any circumstances. Of course, this is not a reason to refuse negotiations on the North Korean nuclear issue. But the solution, according to Moscow, may not be so much the nuclear disarmament of the DPRK as control over its existing nuclear arsenal.

In addition, Moscow understands that excessive sanctions pressure on North Korea will most likely lead not to the DPRK leadership's abandonment of nuclear weapons, but to an internal political crisis, which does not correspond to Russian interests. For this reason, Russia prefers to put up with the existence of a nuclear, but stable North Korea.

According to the Russian Foreign Ministry statement on nuclear issue in Korean Peninsula, «As a permanent member of the UN Security Council, one of the architects and depository of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons, Russia supported this decision, as well as the previous Security Council decisions on the DPRK, guided by the task of stopping Pyongyang's nuclear missile programs, which are an additional factor in the erosion of the nuclear non-proliferation regime based on the NPT, as well as increasing regional tensions and complicating the solution of the problems of the Korean Peninsula. At the same time, Russia invariably proceeds from the fact that UN Security Council sanctions should be of a purely targeted nature and should not lead to further isolation of the DPRK, up to a complete trade and economic blockade, which is fraught with a large- scale humanitarian catastrophe in the North of the Korean Peninsula» [56].

Second, the Russian leadership is deeply concerned with broader regional political, economic and security implications of any shifts in North Korea's nuclear status. Russia invariably points out that it is necessary to approach the settlement of the problems of the Korean Peninsula, including the nuclear one, in the context of a comprehensive solution of the entire range of issues existing between the parties involved, including the long -declared process of Korean unification, which would further create favorable conditions directly for denuclearization. This is impossible without reducing the general military-political tension, refusing to build up military infrastructure, reducing the scale of maneuvers, and creating an atmosphere of trust between the states of the region.

Dr. Alexander Zhebin said that Russia generally welcomes all moves by two Korean states aimed at relaxation of tension and promoting inter-Korean cooperation. «Moscow hopes that inter-Korean reconciliation will remove a threat of military conflict right next to her Eastern border,» Dr. Zhebin said, «and

secondly, promote a more favorable environment for both development of Russia's bilateral economic ties with two Korean states as well as for implementation of multilateral economic projects.» [57].

He assumes that «The fundamental, key issue which any peace process in Northeast Asia should work to resolve is defining an acceptable place for the unified Korea for all 'big countries' in the future regional security system. A neutral, unified Korea with international guarantees from the U.S.A. China, Russia and Japan may be the most acceptable option to all those concerned and interested in an early and peaceful Korean settlement...» [58]. The fundamental, key issue which any peace process in Northeast Asia should work to resolve is defining an acceptable place for the unified Korea for all 'great powers' in the future regional security system» [59]. Zhebin said. «A neutral, unified Korea with international guarantees from the U.S.A. China, Russia and Japan may be the most acceptable option to all those concerned and interested in an early and peaceful Korean settlement. He further concluded that «The fundamental, key issue which any peace process in Northeast Asia should work to resolve is defining an acceptable place for the unified Korea for all 'big countries' in the future regional security system» [60].

«Members of the Big Four (China, Russia, the U.S.A. and Japan) should give formal guarantees of a unified Korea's neutral status. This status could be supported and reinforced by the UN Security Council, which can adopt a special resolution to that effect. It is high time for Korea to take destiny in own hands» [61] – Zhebin concluded.

Dr. Georgy Toloraya represents the dominating view of the Russian expert community when discussing the prospects for denuclearization and inter-Korean relations. He is skeptical about the possibility of a grand deal between North Korea and the U.S., believing that, despite former President Trump's reassuring stance toward Kim Jong-un, the U.S. will not be able to provide credible security guarantees to Pyongyang. Washington will continue to seek to unify the peninsula under South Korean aegis, meaning the end of the DPRK as a state. Even a reformed DPRK will not be acceptable to the American establishment that has demonized North Korea for decades, although there remains a slim chance that Pyongyang could convince Washington that the North could become a second Vietnam and a friend of the US on an anti-China basis. Toloraya is confident that the full denuclearization of North Korea is not achievable. The only realistic scenario is a reduction and limitation of the DPRK's nuclear-missile capabilities, such as by closing its ICBM programs and stopping fissile material production. However, the US is unlikely to agree to partial denuclearization [62].

As regards the specific challenges for Russia, in our opinion when and if the NEA-NWFZ will be agreed upon there would be a situation when Moscow as well as Washington and Beijing as NWS will have to give their negative assurances to North Korea or to unified Korea, which Russia may be willing to give, but it seems problematic whether the U.S. under President Biden's Administration, currently

still in the process of formulating their policy towards North Korea, would give them. Consequently, China most probably would be hesitating to give these assurances to North Korea, especially when the rift and tensions between the U.S. and China continue to increase.

Finally, the major countries of Indo-Pacific region would have to accept the establishing of such a zone at large which seems to create concerns for Australia, Japan and India- not a member to the NPT – with low chances of recognizing the non-nuclear status of North Korea when and if it is denuclearized. It is mainly related to the question of Australia and Japan having US «nuclear umbrella» with the pledge of not developing the NWs by themselves and India's unacceptance of South Asia's nuclear weapons-free zone (NWFZ South Asia) initiative put forward by Pakistan in UN ever since at least in distant 1980's and after Indian nuclear bomb testing in 1998 when it became clear that India was not going to abandon its nuclear capabilities endeavor. These three countries believe that North Korea would never abandon its quest for «strategic nuclear deterrent» and would become a NNWS in the future. Therefore these States believe that even if North Korea becomes denuclearized it could still possess the so-called «bomb-in-the-basement» potential and it seems to them that it is impossible to establish NEA NWFZ in the near future. In any case establishing the NEA NWFZ would create a completely new security situation in the Indo-Pacific region which Russia should take into consideration for realizing its policies towards NEA and Asia-Pacific region in a broader context.

Challenges that might arise for Russia when/if a NEA NWFZ is established, including with regard to other states.

Russia, as it seems to us, might face a situation, when it may be late in recognizing the new status of North Korea and consequently the new security environment within the framework of a NEA-NWFZ when it is established as China may take the lead in supporting this endeavor. On another note, Moscow might have to deal with the position of the U.S. as it might not recognize the NEA-NWFZ until the complete or partial denuclearization of Korean Peninsula. In both cases should they arise Russia may be facing unfavorable conditions for its stance on NEA NWFZ.

Finally, we can conclude that the denuclearized Korean Peninsula may be existing only in the case of unified Korea which is a distant matter as according to Toloraya, «neither Seoul nor Pyongyang is interested in unification at present. The elites in the North and the South do not want to see their powers diminished by transferring authority to some inter-Korean bodies. The ideal scenario for the long term would be co-existence of the two states on the basis of mutual respect for each other's sovereignty and economic cooperation. In this case, the DPRK would become an economic appendage of South Korea but would keep its political independence, an arrangement that would likely suit Pyongyang» [63].

On the other hand, in the scenario when Korea unification outpaces denuclearization, one would have to deal with the new nuclear status of unified

Korea, potentially a much stronger regional power, creating difficulties for Moscow's diplomatic maneuvering in supporting the establishment a NEA –NWFZ in the U. N. Security Council.

Suggestions and recommendations

In conclusion of this research paper, based on the issues considered above we would like to make the following suggestions and recommendations for policymakers:

- Since the nuclear issue in the Korean Peninsula is not of temporary nature and some indefinite time will be required to tackle this problem it is advisable to consider the nuclear crisis related to North Korea non-peaceful nuclear and missile activities as the breach of the NPT and a serious threat to global peace and security.
- Since it is reasonable to consider the question of North Korea's status as a NWS it is advisable to conduct any further negotiations and dealings with DPRK on the U.S. or any of the Great Powers side from the position of considering it as a nuclear power.
- Since it is highly unlikely that North Korea would curtail their nuclear and missile programs and denounce their nuclear weapons in the foreseeable future (at least, in the mid-term), and the nature of North Korean military nuclear program is directly connected with Pyongyang desire to have the nuclear deterrent against any possible attack/aggression from the U.S. and/or South Korea it is advisable to engage North Korea in a comprehensive dialogue on the measures of strengthening the trust between North Korea and the U.S. and South Korea.
- Since the issue of creating and establishment of the Northeast Asia Nuclear Weapon Free Zone much depends on the success of functioning of such zones in other parts of the world it is highly advisable when discussing this question in the international fora and on a multilateral level to consider the experience of Southeast Asian NWFZ (Bangkok Treaty) and the dismantling of military nuclear programs in South Africa and Latin America (Brazil and Argentina) including the experience of Tlatelolco treaty.
- The abstaining of North Korea from furthering its nuclear and missile activities and any concessions in this regard should be encouraged by economic and political stimuli from the U.S. and other members of «nuclear five». In this regard the question of any possible sanctions against North Korea from the U.S. side should be thoroughly weighed by the U.S. policymakers, and the U.S. should try to significantly improve their relations with North Korea in the near future with expanding economic and trade relations with Pyongyang.
- It is advisable to consider the question of creating the NEA NWFZ in a broader context with participation of the U.S., Russia, China, Japan and

South Korea with providing the negative security assurances to North Korea from Russia, the US and China as a NWS.

- The common position of the Great Powers, all members of UN Security Council and all conscientious participants to the NPT is of paramount importance for the implementation of the above –mentioned principles.
- All nuclear powers, first of all, the members of NPT, should accept the unconditional obligation on no –first use of NWs and their non-use in general against non-nuclear states – members of the NPT.
- It is highly recommended to continue the active discussions on the question of creating of NEA NWFZ at the Track 2 level with the participation of scholars, academics and experts from U.S., Russia, China, Japan, South Korea and other regional stakeholders (e.g. Mongolia) in the near future.

References

1. Anastasia Barannikova. NEA NWFZ: position of the DPRK, research paper, 2020, p.1
2. Vassily A. Nebenzia, ‘Non-proliferation/Democratic People’s Republic of Korea’, Security Council Seventy-Second Year, 8042th Meeting, UN Security Council Meeting Open Debate on DPRK, September 11, 2017 at http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PV.8042, accessed on March 20, 2021.
3. Author’s personal communication with an expert of the Russian Foreign Ministry on May 11, 2021.
4. Vladimir Putin, ‘Eastern Economic Forum: Plenary Session’, Russian President’s Website Resources, September 12, 2018 at <http://en.kremlin.ru/events/president/news/58537>, accessed on March 20, 2021.
5. Sergey Lavrov, ‘Foreign Minister’s remarks and answers to media questions following talks with Foreign Minister of North Korea, Ri Yong-ho Pyongyang’, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, May 31, 2018 at http://www.mid.ru/en/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/3240604, accessed on March 20, 2021.
6. Sergey Sevastianov, ‘Russia and Northeast Asia Energy Security’, The Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies (DKI APCSS), 2012 at <https://apcss.org/wp-content/uploads/2012/09/Chapter3.pdf>, accessed on March 20, 2021.
7. Andrey Gubin, ‘Shall we secure DPRK to be secured?’, Russia and the Asia-Pacific Region Community, Russian International Affairs Council (RIAC), Moscow, February 28, 2016 at <http://russiancouncil.ru/en/blogs/dvfu-en/2339/>, accessed on March 22, 2021.

8. I. S. Ivanov (ed.), 'Security and Cooperation in Northeast Asia: the Russian South Korean Experts Joint Paper', Working Paper No. 25, Russian International Affairs Council, Moscow, 2015, p. 12 at <http://russiancouncil.ru/en/activity/workingpapers/bezopasnost-i-sotrudnichestvo-v-severovostochnoy-azii-sovme/> accessed on March 25, 2021.
9. Maxim Suchkov, 'North Korea's Nuclear, A View from Moscow', Analytics and Comments, Russian International Affairs Council (RIAC), Moscow, June 14, 2018 at http://russiancouncil.ru/en/analytics-andcomments/columns/asian-kaleidoscope/north-korea-s-nuclear-a-viewfrom-moscow/?sphrase_id=18856023, accessed on March 29, 2021.
10. Artyom Lukin, 'Why Russia Is Still Playing Second Fiddle in Korean Geopolitics', Expert Opinion, Valdai Discussion Club, Moscow, August 21, 2018 at http://valdaiclub.com/a/highlights/russia-second-fiddle-inkorea/?sphrase_id=433795, accessed on March 25, 2021.
11. Andrey Gubin, note 7.
12. Fyodor Lukyanov, 'Russia can be the honest broker in Korean diplomacy', Russia in Global Affairs (Moscow), June 18, 2018 at <https://eng.globalaffairs.ru/redcol/Russia-can-be-the-honest-broker-in-Koreandiplomacy-19620>, accessed on March 22, 2021.
13. Vladimir Nelidov, 'Regional Security in Northeast Asia and the Russia Japan-US Triangle', Policy Brief, No. 16, May 2018, The Russian International Affairs Council (RIAC), Moscow, p. 12.
14. Foreign Policy Concept of the Russian Federation (approved by President of the Russian Federation Vladimir Putin on November 30, 2016). https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/2542248?p_p_id=101_INSTANCE_CptICkB6BZ29&_101_INSTANCE_CptICkB6BZ29_languageId=en_GB.
15. Valery I. Denisov, 'Nuclear Institution and Organization in North Korea', in James Clay Moltz and Alexander Y. Mansourov (eds). *The North Korean Nuclear Program: Security, Strategy and New Perspectives from Russia*, Routledge, London and New York, 2000, pp. 21–23.
16. Statement by Ambassador Vassily A. Nebenzia, Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations, at the Security Council meeting on Non-proliferation/Democratic People's Republic of Korea, Permanent Mission of the Russian Federation to the United Nations, New York December 15, 2017 at https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PV.8118, accessed on March 22, 2021.
17. 'Russia's communist party leader slams Trump's statement on North Korea as provocation', ITAR-TASS News Agency (Moscow) September 20, 2017 at <http://tass.com/politics/966596>, accessed on March 29, 2021.

18. 'Zhirinovsky expresses profound solidarity with N. Korea', Interfax News Agency, Moscow, April 18, 2017 at <http://www.interfax.com/newsinf.asp?y=2012&m=7&d=21&id=748930>, accessed on March 29, 2021.
19. Sergey Lavrov, 'Foreign Minister Sergey Lavrov's interview with Itogi Nedeli for the NTV network', The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, September 24, 2017 at http://www.mid.ru/en/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2873322, accessed on March 25, 2021.
20. Vladimir Putin, 'Vladimir Putin's news conference following BRICS Summit', Russian President's Website Resources, September 5, 2017 at <http://en.kremlin.ru/events/president/news/55535>, accessed on March 29, 2021.
21. Mikhail Ulyanov, 'Remarks by Mikhail Ulyanov, Director of the Foreign Ministry Department for Non-Proliferation and Arms Control and Representative of the Russian 72nd session of the UN General Assembly, within the General Debate', The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, October 4, 2017 at http://www.mid.ru/en/web/guest/general_assembly/asset_publisher/lrzZMhfoYUj/content/id/2887054, accessed on March 22, 2021.
22. Artyom Lukin, 'The Korean Nuclear Missile Crisis: It Takes Three to Tango', Analytics and Comments, Russian International Affairs Council Russia and the North Korean Challenge | 255 (RIAC), Moscow, August 23, 2017 at <http://russiancouncil.ru/en/analyticsand-comments/analytics/the-korean-nuclear-missile-crisis-it-takes-threeto-tango/>, accessed on March 20, 2021.
23. Georgy Toloraya, 'The Korean Peninsula: Is There a Nuclear War Coming?', Analytics and Comments, Russian International Affairs Council (RIAC), Moscow, January 20, 2016 at http://russiancouncil.ru/en/analytics-andcomments/analytics/teatr-koreyskogo-poluostrova-zhdai-li-yadernoyvoyny/?sphrase_id=18856023, accessed on March 20, 2021.
24. Andrew Korybko, 'Multipolar Sanctions on North Korea: Sell-Out or Strategic?', ORIENTAL REVIEW: International Open Dialogue Research-journal, August 14, 2017 at <https://orientalreview.org/2017/08/14/multipolar-sanctions-north-korea/>, accessed on March 20, 2021.
25. Alexander Gabuev, 'A Russian Perspective on the Impact of Sanctions', The Carnegie Endowment for International Peace, Moscow Centre, August 3, 2017 at <http://carnegie.ru/2017/08/03/russian-perspective-on-impact-ofsanctions-pub-72723>, accessed on March 20, 2018.
26. 'MP warns US deployment of THAAD system in South Korea jeopardizes Russia's security', ITAR-TASS News Agency (Moscow), March 7, 2017 at <http://tass.com/politics/934381>, accessed on March 25, 2021.
27. Vassily A. Nebenzia, 'Non-proliferation/Democratic People's Republic of Korea', Security Council Seventy Second Year, 8118th Meeting, UN Security Council Meeting Open Debate, November 29, 2017 at https://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PV.8118, accessed on March 22, 2021.

28. Igor Tolstokulakov, 'North Korea should be treated as an equal partner', Hanns Seidel Foundation Korea, Seoul, January 30, 2018, in 'Search of Trilateral Cooperation in North East Asia', Conference on the Future Development of South Korea-Russia Relations at <https://korea.hss.de/en/news/detail/in-search-of-trilateral-cooperation-in-northeastasianews2494/>, accessed on March 22, 2021.
29. Charles Knight, 'A Russian Perspective on Korean Denuclearization', interview with Anastasia Barannikova, Lobelog: Institute for Policy Studies, Washington DC, February 18, 2018 at <https://lobelog.com/arussian-perspective-on-korean-denuclearization/>, accessed on March 29, 2021.
30. Sergey Lavrov, 'Russia's Foreign Minister Sergey Lavrov answers questions from readers of the newspaper Argumenty i Fakty', The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, March 29, 2017 at http://www.mid.ru/en/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2709721, accessed on March 20, 2021.
31. 'Press release on the meeting of the Co-chairmen of the Russian-Chinese Dialogue on Security in Northeast Asia', The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, May 22, 2017 at http://www.mid.ru/en/web/guest/maps/cn/-/asset_publisher/WhKWb5DVBqKA/content/id/2763229, accessed on March 20, 2021.
32. 'Resolution 1718 Adopted by the Security Council at its 51st meeting', on UN Security Council Meeting Open Debate on DPRK, October 14, 2006 at [http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1718\(2006\)](http://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/RES/1718(2006)), accessed on March 22, 2021.
33. Sergey Lavrov, 'Russia's Foreign Minister Sergey Lavrov answers questions from readers of the newspaper Argumenty i Fakty', The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, March 29, 2017 at http://www.mid.ru/en/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2709721, accessed on March 20, 2021.
34. Alexander Gabuev, 'A Russian Perspective on the Impact of Sanctions', The Carnegie Endowment for International Peace, Moscow Centre, August 3, 2017 at <http://carnegie.ru/2017/08/03/russian-perspective-on-impact-of-sanctions-pub-72723>, accessed on March 20, 2018.
35. 'Security Council Tightens Sanctions on Democratic People's Republic of Korea', Unanimously Adopting Resolution 2397, 2017, Security Council, 8151ST Meeting (PM), SC/13141, UN Security Council Resolutions on DPRK, December 22, 2017 at <https://www.un.org/press/en/2017/sc13141.doc.htm>, accessed on March 29, 2021.
36. Anastasia Barannikova. NEA NWFZ: position of the DPRK, research paper, 2020, p.2.
37. Anastasia Barannikova. NEA NWFZ: position of the DPRK, research paper, 2020, p.2.

38. Author's personal communication with an expert of Russian Foreign Ministry on May 11, 2021.
39. Anastasia Barannikova. NEA NWFZ: position of the DPRK, research paper, 2020, p. 2.
40. Alexander Zhebin. Free & Unified Korea: Northeast Asia Regional Collaboration on Denuclearization and Economic Integration Research Paper for the Virtual Round Table on the Korean Peninsula Denuclearization: A Forgotten Task, Ulaan Bator, September 30, 2020, p. 2.
41. Speech of Russian Federation Foreign Minister Sergei Lavrov at Moscow Conference on Non-Proliferation, Moscow, November 8, 2019 https://www.mid.ru/ru/adernoe-nerasprostranenie/_asset_publisher/JrcRGi5UdnBO/content/id/3891674/2289-08-11-2019.
42. Alexander Zhebin. Free & Unified Korea: Northeast Asia Regional Collaboration on Denuclearization and Economic Integration Research Paper for the Virtual Round Table on the Korean Peninsula Denuclearization: A Forgotten Task, Ulaan Bator, September 30, 2020, p. 3.
43. Valery Denisov and Alexander Lukin, 'Russia, China, and the Korean Peninsula', in Gilbert Rozman (ed.), Joint US-Korea Academic Studies,=Volume 25, 2014, Princeton University at http://www.keia.org/sites/default/files/publications/alexander_lukin.pdf, accessed on March 20, 2021.
44. Vladimir Putin, 'Eastern Economic Forum Plenary Session', Russian President's Website Resources, September 12, 2018 at <http://en.kremlin.ru/events/president/news/58537>, accessed on March 20, 2021.
45. Georgy Toloraya, 'The Six Party Talks: A Russian Perspective', Asian Perspective, 32(4), p. 62.
46. Igor Tolstokulakov, note 28.
47. 'Revival of six-party talks on North Korea unlikely now: Russian Ambassador', ITAR-TASS News Agency (Moscow), February 8, 2018 at <http://tass.com/politics/989032>, accessed on March 20, 2021.
48. 'Press statements following Russian-Chinese talks, Vladimir Putin and President of the People's Republic of China Xi Jinping made statements for the press following Russian-Chinese talks', Russian President's Website Resources, July 4, 2017 at <http://en.kremlin.ru/events/president/news/54979a>, accessed on March 20, 2021.
49. Wu Haitao, 'Non-proliferation/Democratic People's Republic of Korea', Security Council Seventy second year, 8237th meeting, UN Security Council Meeting Open Debate on DPRK, December 15, 2017 at https://Russia.and.the.North.Korean.Challenge/www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/PV.8137, accessed on March 21, 2021.

50. V. Mikheev and A. Fedorovsky (eds), 'Crisis and New Political Agenda for the Korean Peninsula and the Regional Powers', Moscow, IMEMO, Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO) Publication 2018 at https://www.imemo.ru/files/File/en/publ/2018/2018_001.pdf, accessed on March 21, 2021.
51. 'Comment by the Information and Press Department on the US application to the UN Security Council Sanctions Committee on North Korea (1718) on expanding sanctions', Press Release, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, August 10, 2018 at http://www.mid.ru/en/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/3316726, accessed on March 22, 2021.
52. Nikki Haley, 'Remarks at a UN Security Council Briefing on Nonproliferation and the Implementation and Enforcement of UN Sanctions on North Korea', The U. S. Mission to the United Nations (USUN), September 17, 2018 at <https://usun.state.gov/remarks/8613>, accessed on March 22, 2021.
53. 'Russian envoy slams US policy towards North Korea', ITAR-TASS News Agency (Moscow), September 17, 21018 at <http://tass.com/politics/1021986>, accessed on March 20, 2021.
54. Comment by the Information and Press Department on the US-North Korea Summit in Singapore, The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, June 12, 2018 at http://www.mid.ru/en/maps/kp/-/asset_publisher/VJy7Ig5QaAII/content/id/3256544, accessed on March 20, 2021.
55. Vladimir Putin, 'Speeches at the official reception on behalf of the President of Russia', Russian President's Website Resource at <http://en.kremlin.ru/events/president/news/55535>, accessed on March 29, 2021.
56. Russia and the settlement of the situation in the Korean Peninsula. <https://www.mid.ru/uregulirovanie-situacii-na-korejskom-poluostrove>. Accessed on May 22, 2021.
57. Alexander Zhebin. Op. cit. https://www.globalpoliticsreview.com/publications/2464-9929_v06_i1-2_p006.pdf. Accessed on May 23, 2021.
58. Alexander Zhebin. Op. cit. <https://rg.ru/2014/09/17/obyedineniye-site.html> on May 23, 2021.
59. Alexander Zhebin. RUSSIAN AND EUROPEAN PERSPECTIVES ON KOREAN UNIFICATION AND DENUCLEARIZATION. <https://www.globalpeace.org/news/russian-and-european-perspectives-korean-unification-and-denuclearization>. Accessed on May 22, 2021.
60. Alexander Zhebin. RUSSIAN AND EUROPEAN PERSPECTIVES ON KOREAN UNIFICATION AND DENUCLEARIZATION. <https://www.globalpeace.org/news/russian-and-european-perspectives-korean-unification-and-denuclearization>. Accessed on May 22, 2021.

61. Alexander Zhebin. RUSSIAN AND EUROPEAN PERSPECTIVES ON KOREAN UNIFICATION AND DENUCLEARIZATION. <https://www.globalpeace.org/news/russian-and-european-perspectives-korean-unification-and-denuclearization>. Accessed on May 22, 2021.
62. Georgy Toloraya. Who gains profit from the current situation in the Korean peninsula? <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/situatsiya-na-koreyskom-poluostrove/>. Accessed on May 23, 2021.
63. Georgy Toloraya. Who gains profit from the current situation in the Korean peninsula? <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/situatsiya-na-koreyskom-poluostrove/>. Accessed on May 23, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Сотников, Владимир Иванович – к. и. н., Sotnikov Vladimir – PhD (History), Senior
старший научный сотрудник ИВ РАН, Мо- Researcher, IOS RAS, Moscow, Russia.
сква, Россия.

Научное издание

Восточная аналитика

Выпуск 3, 2021

*Утверждено к печати
Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН*

Верстка И. В. Федулов

Формат 70x100/16. Усл. печ. л. 5,85. Уч-изд. л. 4,1.
Тираж 500 экз. Подписано в печать 30.08.2021.
Гарнитура Noto Serif

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12.
Научно-издательский отдел
Руководитель отдела: Федулов И. В.
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ООО «Белый Ветер».
115093, Москва, ул. Щипок, д. 28
тел. (495) 651-84-56